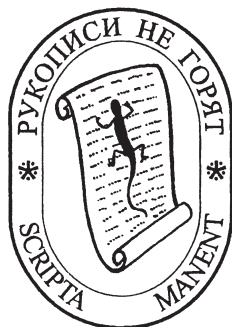

К 10-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ФОРУМА
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

Алексей Богатуров, Алексей Дундич, Евгений Троицкий

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ:
«ОТЛОЖЕННЫЙ НЕЙТРАЛИТЕТ»
И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В 2000-Х ГОДАХ**

Очерки
текущей политики
Выпуск 4

Academic Educational Forum
on International Relations

Alexey Bogaturov, Alexey Dundich, Evgeniy Troitskiy

**CENTRAL ASIA:
A «DELAYED NEUTRALITY»
AND INTERNATIONAL RELATIONS
IN THE 2000s**

Essays
on Current Politics
Issue 4

Moscow
2010

Научно-образовательный форум
по международным отношениям

Алексей Богатуров, Алексей Дундич, Евгений Троицкий

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ:
«ОТЛОЖЕННЫЙ НЕЙТРАЛИТЕТ»
И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В 2000-Х ГОДАХ**

Очерки
текущей политики
Выпуск 4

Москва
2010

ББК 66.0

Богатуров Алексей Демосфенович, Дундич Алексей Сергеевич, Троицкий Евгений Флорентьевич. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах. Очерки текущей политики. Выпуск 4. М.: НОФМО, 2010. 104 с.

ISBN 978-5-901981-28-3

Редакционная коллегия

д.полит.н. А.Д. Воскресенский, к.и.н. Н.А. Косолапов,
д.и.н. В.А. Кременюк, д.ф.н. П.А. Цыганков

Редактор

кандидат исторических наук
И.В. Болгова

В докладе рассматриваются основные тенденции развития международных отношений в Центральной Азии в 2000-х годах. Прослеживается становление новой подсистемы международной политики в этой части мира на фоне наиболее крупных политических событий внутренней жизни стран региона.

Издание адресовано российским и зарубежным специалистам по Центральной Азии, преподавателям, научным сотрудникам, аспирантам, магистрантам и студентам университетов по направлениям «международные отношения», «зарубежное регионоведение», «история» и «политология», а также всем, кто интересуется международной политикой и дипломатией.

Издание осуществлено при поддержке Фонда Макартуров

ISBN 978-5-901981-28-3

© Богатуров А.Д., Дундич А.С., Троицкий Е.Ф., 2010
© НОФМО, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Центральная Азия в международной политике	6
Международно-политическая среда Центральной Азии	6
Политико-психологический фон региона	10
Фактор политического реформирования в региональных отношениях	12
Особенности внешнеполитического поведения стран региона	15
Концепция «отложенного нейтралитета»	18
Становление этнополитических соотношений в регионе	20
«Сдвоенная» система политического управления в республиках советской Средней Азии и Казахстана	23
Международные отношения в Центральной Азии в 2000-х годах	28
Образование Шанхайской организации сотрудничества (июнь 2001)	28
Заключение российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве	29
Война США против талибов в Афганистане и ее влияние на региональную ситуацию	31
Образование ОДКБ (2001) и военно-политическое сотрудничество малых и средних стран с Россией	34
Военно-политические связи малых и средних стран с США	37
Война США против Ирака и ее последствия для ситуации в Центральной Азии	39
Региональные последствия «тюльпанной революции» в Киргизии	41
События 7 апреля 2010 г. и смена власти в Киргизии	47
Обострение конфликта в Южной Фергане («события в Андижане»)	52
Политика освоения западных районов КНР и ситуация в СУАР	55
Российско-китайское сотрудничество в региональных делах	57
Многостороннее взаимодействие по линии ШОС	59
Отношения с Россией в системе международных приоритетов малых и средних стран	61
Подходы к оценке экономического развития новых независимых стран Центральной Азии	68
«Гидрополитическое оружие» в отношениях между странами региона	72
«Транспортная геополитика» в Центральной Азии	76
Потенциал экспорта энергоносителей и электроэнергии из малых и средних стран	80
«Трубопроводная дипломатия» в региональных отношениях	82
Международно-политические параметры региональной наркоторговли	88
Кризис проекта «демократизации Афганистана» и новое обострение ситуации в Южном Туркестане в конце 2000-х годов	91
Заключение	93

Введение. Центральная Азия в международной политике

Рост внимания наиболее мощных держав к Центральной Азии¹ в первом десятилетии XXI века – знак возвращения региона в фокус большой международной политики. Второй раз за сто лет и впервые после русско-британских разграничений конца XIX века в этой части мира стала заметна повышенная концентрация разнонаправленных устремлений внешних игроков – прежде всего Соединенных Штатов Америки и Евросоюза. Соприкасаясь с традиционными интересами России и Китая, эти устремления формируют конкурентную региональную среду, в которой элементы сотрудничества и взаимной поддержки сопологаются с соперничеством, недопониманием и взаимными опасениями.

Современная Центральная Азия – преемница, но не эквивалент советской Средней Азии. Современное политико-географическое словоупотребление позволяет относить к этому региону не только прежние среднеазиатские союзные республики (Киргизию, Таджикистан, Туркмению и Узбекистан), но и Казахстан. Более того, понятие «Центральная Азия» подразумевает отнесение к этому региону частей Северного Афганистана и Синьцзян-Уйгурского Автономного района (СУАР) КНР. В политологических работах, особенно посвященных анализу энергетических аспектов положения вокруг Каспия, в дискурс о Центральной Азии включены пограничные с Казахстаном территории России – от Астраханской области на западе до Алтайского края на востоке.

Международно-политическая среда Центральной Азии

В мировой системе место подсистемы отношений между странами региона определяется его нынешней и потенциальной – не до конца выясненной – ролью в производстве и транспортировке энергоносителей. Энергоресурсы – благословение Центральной Азии и ее бремя. Ни Россия, ни западные страны после распада СССР не смог-

¹ Этот термин применяется ко всему рассматриваемому историческому периоду, хотя в политическое употребление он был введен лишь в январе 1993 г. по решению саммита пяти государств региона в Ташкенте. Прежде в литературе эта территория именовалась «Средней Азией и Казахстаном».

ли установить контроль над природными ресурсами центральноазиатских государств, хотя имеют возможность влиять на энергетическую политику последних в том, что касается добычи, экспорта и транспортировки энергоносителей. Реальное владение природными богатствами, доходы в виде экспортных поступлений, способности играть на конкуренции между российскими и западными компаниями за доступ к энергоресурсам обеспечивают энергоэкспортирующим малым и средним странам серьезный внешнеполитический ресурс.

Государства, которые такого ресурса лишены, все равно имеют для региона важное значение в силу своих пространственно-географических характеристик, позволяющих им влиять на безопасность сопредельных территорий, через которые проходят или будут проходить трубопроводы. В самом деле, в XIX веке значение региона виделось западным и русским авторам через призму геостратегии и изучалось в контексте гипотетических угроз со стороны России позициям Великобритании в Индии. В начале XXI века подходы к анализу региональных реалий сместились к геоэкономике. Пространственное измерение Центральной Азии стало восприниматься как зона прохождения энергонесущих артерий, поток углеводородов по которым может быть направлен и в западном (в сторону Евросоюза и Атлантики), и в южном (к побережью Индийского океана), и в восточном (к Китаю, Японии и Тихому океану) направлениях.

К Атлантике или Пасифике пойдут нефть и газ центральноазиатских стран? В первой половине наступившего века этот вопрос обещает оказаться в региональной политике главным. Он становится осью конкуренции между потенциальными потребителями этих ресурсов, странами, через которые пройдут соответствующие трубопроводы, и государствами, стремящимися влиять на положение дел в энергетическом секторе мирового хозяйства в целом.

Наряду с трубопроводной дипломатией геополитическим фактором может оказаться железнодорожная сеть этой части мира. За годы после распада СССР старая советская сеть железнодорожных путей перестала быть замкнутой на Европейскую и Сибирскую части России. Усилиями Казахстана был достроен участок путей, соединивший Казахстан с СУАР Китая (Урумчи). Теперь грузопотоки, если это окажется рентабельным, могут доставляться из Центральной Азии на восток не только через Россию по старому транссибирскому пути, но и через Китай.

Туркменистан в 1990-х годах тоже построил участок железнодорожной ветки, соединивший туркменские железные дороги с иранскими (Мешхед). Открылся прямой путь транспортировки на юг. После длительной изоляции от южных и восточных соседей ре-

гион «разомкнулся», впервые в истории получив техническую возможность прямого сообщения не только в северном и западном направлениях, но и в южном и восточном. Этот сдвиг не преобразовался пока в переориентацию международных связей центрально-азиатских стран. Но открытие дорог на восток и юг подкрепили психологические предпосылки для проведения местными странами при благоприятных обстоятельствах более разнонаправленной политики сотрудничества «по всем азимутам».

Однако разомкнутость Центральной Азии в сочетании с ее перекрестным географическим положением является не только преимуществом, но и источником проблем. Центральная Азия – центр нелегального производства местных наркотиков (прежде всего в Фергане) и в еще большей степени – крупнейший транзитный путь, по которому после распада СССР и свержения просоветского правительства в Афганистане стали доставляться наркотики афганского производства. Этот поток, частично оседая в России, следует далее в страны Евросоюза.

Наркоторговля – источник огромных нелегальных доходов всех, кто к ней причастен. Они распределяются неравномерно. Рядовые контрабандисты-курьеры часто остаются нищими на протяжении всей жизни, так как их заработки поглощаются многочисленными родственниками, уровень жизни которых остается крайне низким. Однако люмпенский слой участников оборота наркотиков является наиболее многочисленным и политически значимым, особенно в условиях медленного расширения прав граждан по мере «управляемой демократизации сверху».

«Пролетарии наркобизнеса» объективно не могут не сочувствовать наркодельцам, видя в их, своей или своих родственников нелегальной деятельности единственный источник существования. Одновременно этот слой является наиболее взрывоопасным. С одной стороны, он воспринимает попытки государства искоренить наркобизнес как посягательство на основы своего жизнеобеспечения. Лидерам наркобизнеса легко направить возмущение населения наркотранзитных и нарко-производящих районов против правительств и спровоцировать подобие нарко- или «цветных» «революций».

С другой стороны, более образованная часть бедных слоев, справедливо видит инструмент борьбы с наркоторговлей в экономических и социальных реформах, которые позволили бы отвлечь население «наркоопасных» регионов от преступного бизнеса. Отсутствие таких реформ тоже порождает недовольство населения.

Обе тенденции, налагаясь на личные, политико-партийные, клановые, региональные и иные легальные, но часто «невидимые» для аналитика борения создают сложную структуру общественно-

политических взаимодействий. Трудности внутреннего развития проявляются на уровне внешнеполитического процесса и внешней политики. Колебания в отношениях между Узбекистаном и Таджикистаном в 1990-х годах, взаимно настороженные отношения Таджикистана и Афганистана, хроническое противостояние властей и криминала в Ферганском оазисе, «пульсирующую» нестабильность в Киргизии трудно проанализировать в отрыве от конфликтно-генной роли наркотиков.

Контроль над наркотранзитом – источник борьбы между правительствами центральноазиатских стран и криминальными группировками, а также между самими этими группировками. Местные экстремистские движения, выступающие под исламистскими лозунгами, имеют доступ к финансовым ресурсам от наркоторговли и выступают в роли полулегальных агентов контрабандистов в органах власти. «Наркофактор», попытки местных криминальных структур поставить у власти в центральноазиатских странах «своих» людей составляют важнейший элемент местного политического, социально-экономического и идеологического ландшафтов.

Наконец, важнейшая черта местной региональной среды – неразрывность политических проблем Центральной Азии с вопросами безопасности сопредельных стран – Афганистана, Пакистана и Ирана. Идея нераздельности безопасности применительно к Европе и Атлантике – плод аналитики 1950-х годов. В той части мира нераздельность подразумевала единство безопасности США, Британии и Франции в противостоянии с Советским Союзом.

В Центральной Азии нераздельность – выглядит иначе. Она воплощена в международно-политические документы или заявления руководителей. И своими корнями она уходит не в культуры и ценности, а в географические реалии. В Центральной Азии и на Среднем Востоке в силу особенностей рельефа (труднопроходимые горы, пустыни) распределения водных ресурсов и, соответственно, этнического расселения *контуры политических границ не совпадают с очертаниями политико-географических интересов безопасности разных стран.*

В Ферганском оазисе, зоне таджико-афганской границы или в поясе проживания пуштунских племен на рубежах Афганистана и Пакистана разделить интересы безопасности сопредельных стран невозможно. Они сливаются в единый комплекс, и их решение исключает выработку и реализацию юридически четких договоренностей, поскольку таковые практически не в состоянии учесть сложность реальных отношений между этническими группами и государствами в местах соприкосновения их интересов. Вот почему отношения между странами региона тяготеют к более динамичным

формам стабильности в отличие от относительно статичных, юридически строже закрепленных и управляемых международных отношений в Европе.

Политико-психологический фон региона

По-видимому, такой вариант «нераздельности безопасности» имеет опору в традиционном сознании жителей этой части мира, для более южных народов которой (узбеков, таджиков, киргизов, туркмен) характерно оазисное сознание. В его основе – идентификация по принципу самопричисления не только (иногда и не столько) к «своей» этнической группе, сколько к территории проживания. Люди исторически селились у воды. В окружении пустынь и гор ее было мало и возможности менять место жительства были ограничены. Жители оазисов невольно вырабатывали в себе терпимость к чуждой этничности. Владелец оазиса мог не принадлежать к «твоей» этнической группе, но если он не лишал тебя доступа к воде, а, значит, к жизни, то его можно было терпеть, даже если по крови, языку и культуре он был «чужим». Примирительную роль в таких случаях мог играть и ислам, надэтническая солидаристская доктрина которого акцентировала ценностную общность, а не этническую разобщенность.

Население Центральной Азии до включения в состав Советского Союза с проделанным в его рамках этно-территориальным размежеванием не знало «национального государства» в европейском смысле. Преобладающей формой организации было территориально-политическое образование на принципе надэтничности – по сути дела принципе имперском. С позиций европейской науки XX века Бухарский и Кабульский (афганский) эмираты, Хивинское и Кокандское ханства были в типологическом отношении – относительно небольшими и пестрыми по этническому составу *оазисными империями*, «объединяющими идеями» которых были общее водно-земельное достояние и идеология религиозной солидарности (особенно в Бухаре и Коканде). В таком идейно-политическом контексте комплексы этнической розни оказывались подавленными. Они лишались возможности развиться в доктрины этнического или расового превосходства, как это происходило на волне трагических кульминаций «национального самоопределения» в Европе, а под ее влиянием – и в Японии конца XIX века и первой половины XX веков.

С международно-политической точки зрения такой фон вряд ли упростил ситуацию. Водораздел между понятиями «мы – они» и

«свой – чужой» в центральноазиатском контексте был более размытым, условным и проницаемым, чем в культурах, из недр которых вырастали концепции М.Вебера. Условность понятий транслировалась в условность реалий. Четкость представления о «своем» и «чужом» материализовывалась в Европе в твердость предубеждения в необходимости уважать чужие границы – хотя бы на уровне правовой и этической нормы.

Взаимная терпимость этносов в Центральной Азии, условность смысловой переборки между «своим» и «чужим» оборачивалась невосприимчивостью местных стран к таким условно незыблемым и европейским по происхождению принципам международного общения как уважение *чужих* государственных границ, невмешательство во внутренние дела *других* государств. Чужими или нечужими для Таджикистана являются афганские дела, если в Афганистане живет больше таджиков, чем в Таджикистане? Какое из двух государств «среднестатистический таджик» должен считать «своим», задайся он целью следовать модели мышления «по Веберу»? Дать теоретические ответы на эти вопросы проще, чем найти практические решения для упрочения мира и безопасности местных стран.

Сходные проблемы самоидентификации возникают для узбеков и таджиков Северного Таджикистана (Худжанд), узбекских городов Самарканду и Бухаре, узбеков, таджиков и киргизов Ферганской долины. Политические границы сложились вопреки логике традиционного мышления местных жителей. В сочетании с особенностями природного рельефа (горы, перевалы, тропы) размытые представления являются предпосылкой и стимулом для непредсказуемой миграции людей, переброса товаров (включая контрабандные) и диффузии конфликтов.

Вооруженные формирования, выступающие против правительства Узбекистана, до сих пор перемещаются по горным перевалам и тропам с узбекской территории на таджикскую и киргизскую и обратно, не вступая в конфликты с местным населением. Этими же тропами пользуются и для прохода караванов наркотиков. Следуют они самостоятельно или под охраной бандформирований? Наркобизнес, контрабанда оружия и антиправительственные движения имеют общие интересы, и параметры их сотрудничества быстро меняются.

Конфликт весной 2005 г. в узбекской части Ферганы (Андижан) был частью антиправительственного брожения, которое происходило в это самое время в Киргизии, и тоже уходило корнями в ее южные, ферганские районы. Аналогичным образом, «просачивание» конфликтности из Афганистана (из его таджикских и уз-

бекских частей) в Таджикистан и Узбекистан – устойчивая черта региональной ситуации. «Тюльпанная» или «маковой» в этом смысле была «майданная революция» 2005 г. в Бишкеке? Некоторые аналитики полагают, что на ее эмблеме было уместно поместить оба цветка.

Фактор политического реформирования в региональных отношениях

Важнейший вопрос политики в Центральной Азии – реформа политических систем ее стран. Наличие прочных структур традиционного саморегулирования местных обществ в лице региональных, племенных, родовых, клановых и иных традиционно-общинных связей налагает отпечаток на условия, в которых формируется внутренняя и внешняя политика стран. Семь десятилетий полунасильственной модернизации центральноазиатских обществ в составе СССР, и еще два десятилетия реформ в качестве независимых государств трансформировали социальную природу стран региона. Создание советского строя, а после 1991 года моделей авторитарно-плюралистического устройства (по Р.Скалапино)² внешне изменили политический облик этих стран и заложили основы развития большинства из них по пути нелиберальной демократии (по Ф.Закарии).

Однако традиционные структуры саморегулирования не были уничтожены и не разложились. Приняв на себя удар большевистской модернизации в 1920–1940-х годах, они смогли выжить благодаря десятилетию «оттепели» 1953–1963 годов, а затем – адаптироваться к условиям «позднего СССР» в 1970–1980-х годах. Традиционные структуры нашли себе место в политической системе советского общества, научившись сотрудничать с партийно-бюрократическими структурами.

² Robert Scalapino – ведущий американский востоковед-политолог 1970–1980-х годов, директор Института Восточной Азии Калифорнийского университета в Беркли, автор множества работ по китаеведению и японоведению. По его определению, «авторитарный плюрализм» – «...эта система характеризуется жесткой политикой, ограничением свобод и преобладанием личности, а не закона в процессе принятия решения. В то же время – существованием гражданского общества, отделенного от государства, и наличием – в зависимости от конкретных условий – значительно автономного пространства в сферах религии, образования и семейных отношений. Более того, в экономике присутствует значительный рыночный элемент, хотя и при сильной финансовой, направляющей и планирующей роли государства, реализуемой посредством политики неомеркантилизма». – Письмо Р.Скалапино к А.Д.Богатурову от 10 февраля 1992 года.

тическим аппаратом советской власти, помогая ему (мобилизовать массы на трудовые кампании) и иногда находя возможности образовывать личные унии.

При этом формальная система государственного управления в Казахстане и республиках Средней Азии выглядела советской, а реальное управление ими шло по двум ветвям: формальной партийно-советской и неформальной – регионально-клановой. Центральный аппарат КПСС адекватно оценивал ситуацию и стремился не столько изменить ее через искоренение традиции, сколько научиться использовать традиционные факторы для регулирования положения на местах. Система квотирования представительств каждой этнической и региональной группы в структурах официальной власти и ротация представителей разных клановых групп были инструментами влияния Москвы на политику республик. Во второй половине XX века в этой части СССР раньше, чем в других частях Советского Союза (в Закавказье, например) и в более зрелом виде сложилась «сдвоенная» общественно-политическая система. Внутри местных обществ уживались два отчасти автономных друг от друга уклада. Первый представлял собой анклав советского (современного). Второй – анклав родо-племенного, этно-группового, регионального (традиционного). Обычаи, нормативные прецеденты, своды поведенческих запретов и правил, религиозные регламенты составляли второй анклав. Привычка получать современное высшее образование, заниматься экономической, общественной и политической деятельностью, навыки проведения выборов – первый.

В бытовом поведении человек, как челнок, постоянно переменялся из первого анклава во второй и обратно. Светское сочеталось с религиозным – исламским, доисламским и не исламским (христианским, иудейским, языческим). Современный рыночный бизнес – с обычаем помогать в трудоустройстве неквалифицированных родственников и земляков. Привычка к жизни по канонам западного потребления – со вкусом к традиционному образу жизни с жестким разделением социальных функций мужчин и женщин, архаичными представлениями о профессиях, «достойных» и «недостойных» мужчины.

На уровне политического поведения это выливалось после 1991 г. в привычку участвовать в выборах с обыкновением голосовать в соответствии с советами «старших» в традиционном понимании – начальники, вожди кланов и групп, старейшины, муллы, старшие родственники мужского пола или в их отсутствие – просто мужчины.

Механизм поддержания социального порядка был сложным, но надежным. Во всяком случае, повсюду, кроме Таджикистана в

начале 1990-х годов, анклавно-конгломератная структура общества³ предохранила страны от войн, распада и хаоса. Да и гражданская война в Таджикистане была вызвана чрезмерностью политических преобразований под натиском незавершенной «исламской демократической революции», разрушивших старый механизм регулирования отношений между конкурирующими региональными группами в бывшей Таджикской ССР.

Провал эксперимента с «исламской демократией» напугал соседние с Таджикистаном бывшие советские республики настолько сильно, что их руководители были вынуждены предпринять меры для борьбы с исламской и светской оппозицией, в том числе, применяя против нее силу. Реформы в Центральной Азии после этого, в той мере, которой они вообще проводились, были направлены в консервативное русло. Гражданская война скомпрометировала идею одномоментной демократизации по западным образцам. Последующее десятилетие было употреблено для стабилизации и дозированной модернизации политических систем. На смену советской машине пришли системы правления, для которых характерно соединение официальных институтов партийно-президентской системы с неформальным традиционным регулированием⁴. Новые государства перестали выглядеть по-советски. Они стали больше походить на обычные парламентские или президентские республики.

Отвергнув советское устройство, страны региона сохранили анклавно-конгломератный принцип модернизации. В них по-прежнему сосуществуют анклавы современного и традиционного. Традиционное в руках власти «подтверждает» современное, придает ему силу и авторитет. Вот почему некоторые руководители центральноазиатских стран не упускают случая присвоить себе атрибутику не только конституционно легитимных лидеров, но и традиционных вождей и даже псевдо-монархов (Туркменбаши в Туркмении).

Наложение западных форм демократического правления на местный традиционализм дало жизнь центральноазиатским версиям нелиберальной демократии. Она представляет собой модель политического плюрализма, мера авторитаризма или либеральности которого определяется присущей соответствующим странам куль-

³ Впервые эта концепция была представлена в 1999 году. См. журнал «Полис», 1999, № 4. С. 60–69.

⁴ В работе известного востоковеда и политолога А.Д.Воскресенского они определяются как авторитарные либо консервативные патерналистские режимы. См.: Воскресенский А.Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М.: Аспект-Пресс, 2007. С. 62.

турной традицией во всем, что касается представлений о соотношении свободы и долга, прав индивида и коллектива, личного и общественного интереса. В политических системах Центральной Азии соотношение «нормы» и «патологии» не больше и не меньше, чем в общественно-государственном устройстве Индии, Южной Кореи или Японии⁵ на относительно ранних стадиях развития присущих каждой из названных трех стран демократических моделей. Все эти страны в политико-социальном отношении относятся к анклавно-конгломератному типу, как все государства запаздывающей политической модернизации, включая Россию и Китай.

По-видимому, либерализация политических систем Центральной Азии окажется возможна не раньше, чем произойдут изменения в культуре стран этой группы. Имеются в виду прежде всего сдвиги в базовых представлениях этносов о достаточности или избыточности, привлекательности «свободы» или «несвободы», индивидуальной конкуренции или общинно-корпоративной солидарности, ответственности каждого за себя (и равенстве) или покровительстве (и подчиненности).

Это не означает, что Центральная Азия может позволить себя приостановку реформ. Приблизившаяся полоса естественной смены поколений лидеров местных стран вынуждает думать о необходимости продолжить их модернизацию. Однако форсированная демократизация может быть им так же опасна, как попытки остаться в парадигме поверхностного реформирования, стабилизирующий ресурс которой в значительной мере уже исчерпан.

Особенности внешнеполитического поведения стран региона

Новизна современной международной среды в Центральной Азии состоит в освобождении малых и средних стран региона от пассивной роли объектов воздействия со стороны крупных держав. За два десятилетия после распада СССР малые и средние страны Центральной Азии прошли большой путь к формированию рациональной внешней политики. Большинство из них смогло сформулировать более или менее убедительные внешнеполитические концепции, даже если не всем им был придан официальный статус – будь

⁵ Нелиберальных демократий оказывается тем больше, чем дальше отстоит рассматриваемый регион от Европы и моделей демократии, вобравших в себя специфику европейского культурного опыта. Типологически Япония – нелиберальная демократия, хотя, наверное, «минимально нелиберальная».

то различающиеся между собой версии постоянного нейтралитета Туркменистана и Киргизии, варианты доктрин регионального лидерства Казахстана и Узбекистана или концепция национальной безопасности Таджикистана.

Выделяются три типа внешнеполитического поведения малых и средних стран в отношении превосходящих их держав. Первый тип – «*агентский*» («я – твой младший брат и поручный, моя земля – твой бастион, форт и крепость»; этот тип заменил собой прежнее вассальное, подданническое поведение). Второй – «*защитный*» («ты – мой недруг и я готовлюсь к борьбе с тобой, нападаешь ты или можешь хотеть напасть»). Третий – «*условно партнерский*» («мы – ничем друг другу не обязаны и пробуем сотрудничать не только друг с другом, но и со всеми странами, несмотря на разности потенциалов»).

При первом – страны стремятся плотнее «прильнуть» к какому-то мощному государству, выторговывая себе от него за это привилегии. При втором – они могут обострять отношения с заведомо более сильной страной, желая привлечь к себе внимание мирового сообщества, нарочито концентрируясь на угрозах, реально или предположительно исходящих от крупной державы. При третьем типе поведения *малые и средние страны стараются осторожно дистанцироваться от всех мощных государств, пытаясь сохранить со всеми ними хорошие отношения и отвоевать себе хотя бы небольшое автономное пространство.*

К первому тяготеют страны, именуемые сателлитами. Ко второму – несостоявшиеся или неуверенные в себе государства (от Северной Кореи и Венесуэлы до Грузии). К третьему – нейтральные и неприсоединяющиеся государства, которые демонстрируют многообразные формы внешней политики от «ядерного неприсоединения» Индии до гораздо сдержанного и гибкого «антиядерного нейтрализма» Малайзии, Индонезии и Вьетнама.

Центральноазиатские государства, как представляется, тяготеют к третьему типу. Он сочетается с их возможностями и спецификой международных условий, в которых они развиваются. Главное из этих условий (благоприятных, но и затратных для малых стран) – рыхлая международная среда, в которой в течение 20 лет Россия, Китай и США не имели возможности и желания жестко привязать местные страны к своей военно-политической стратегии.

Руководствуясь осторожностью или представлениями о достойном поведении, государства Центральной Азии избегают перегибов. Дистанцируясь от России и образов «частей бывшего СССР», страны региона избежали соблазна провозгласить себя «частью Запада». Увлечение сначала Турцией, а потом Китаем не спровоциро-

вало их ни на «следование Китаю», ни на путь превращения в элементы «пан-туранского пространства».

Ограничив влияние России, страны региона не допустили деградации отношений с ней, сохранив возможность при необходимости прибегать к ее ресурсам (финансовым, технологическим, людским, политико-дипломатическим и иногда военным). Взамен они позволяют России пользоваться своим потенциалом – пространственно-геополитическим и отчасти энергосырьевым. Местный национализм, окрасившийся колоритом ислама и местных доисламских культур, в целом не отлился ни в религиозный экстремизм, ни в светскую ксенофобию и шовинизм. Позитивную роль в этом смысле сыграли мощное советское просветительское и культурно-атеистическое наследие, присущая СССР традиция надэтнической социально-групповой солидарности в сочетании с оазисной культурой терпимости к говорящим на ином языке.

Местные страны освоили и продолжают осваивать тактику поведения государств нейтралистского и условно нейтралистского типа. Этот тип поведения сближает центральноазиатские страны с государствами АСЕАН, некоторые из которых (Филиппины, Таиланд) применяют сочетание союзнических обязательств перед Соединенными Штатами и ориентацией на приоритеты регионального сотрудничества, некоторые формы которого могут носить скрытую антиамериканскую направленность.

Отчасти сходным образом страны Центральной Азии добиваются уменьшения зависимости от России как покупателя и транспортноэнергоснабжателя их энергоносителей. Но это не мешает им желать оставаться под «зонтиком» ОДКБ, который остается скорее политическим, чем военным институтом.

В целом ситуация ориентирует малые и средние государства на политику, характеристиками которой являются прагматизм, гибкость, дипломатическое лавирование, уход от обременительных внешних обязательств, стремление привлечь помощь более богатых стран. Ради нее они торгуются по поводу встречных уступок – с Россией, США, Индией, Китаем или богатыми исламскими странами.

Это не значит, что центральноазиатские соседи России проявляют коварство. Этот термин уместней адресовать тем странам, вожди которых, хитроумием переиграв Б.Н.Ельцина в 1991 году, разрушили советскую страну. *Центральноазиатские страны в ту пору хотели увеличения пространства свободы рук в отношениях с Москвой, а не полного отделения от России.*

Сегодня нет смысла ни усмехаться, ни сожалеть по этому поводу. Важнее другое. Прагматизм в политике стран Центральной Азии соседствует с исторической памятью, в которой негативные

ассоциации уравниваются весомым комплексом представлений о позитивном наследии отношений с Россией. Взлет культурного и образовательного уровня, создание систем охраны здоровья, создание основ, на которых возможно формирование современной политической системы – плоды пребывания центральноазиатских стран в составе СССР.

Советская система действовала в Центральной Азии так же деспотично, как и на всем остальном пространстве Советского Союза. В этом смысле она – общий источник бед всех народов СССР. Но при всех пороках, она хорошо подготовила Центральную Азию для избирательного и дозированного восприятия новаций 1990-х годов, когда бывшие союзные республики стали независимыми государствами.

Эта система позволила местной власти сдерживать рост низовых протестов, направить исламизацию в умеренные русла и справиться с натиском транснациональных криминально-контрабандистских структур, которые в союзе с местными и зарубежными экстремистами представляли собой угрозу существованию центральноазиатских государств. Сценарии раздела Таджикистана, распада Киргизии и формирования криминального «Ферганского халифата» не реализовались, а попытка «исламской революции» не дала в Центральной Азии тех удручающих результатов, которые она принесла в Афганистане.

Концепция «отложенного нейтралитета»

Географически и отчасти политически центр Центральной Азии из России кажется расположенным между Астаной и Ташкентом. Но с позиций энергосырьевой дипломатии в ее зарубежных версиях центральную позицию в региональных делах занимает Каспий, вернее его восточное побережье, и газовые месторождения Туркмении. Именно их имеют в виду американские и евросоюзовские авторы, начиная рассуждения о роли Центральной Азии в мировой политике и экономике.

Однако и в таком восприятии региона превалирует «объектное» отношение к малым и средним странам. Американские и евросоюзовские политики и ученые оценивают ситуацию в этой части мира через призму того, что выгодного или опасного она может сулить. Немалая часть российских и китайских государственных деятелей и экспертов фактически остаются на такой же позиции с соответствующими поправками на Россию и Китай. В качестве субъектов международной политики до сих пор малые и средние государства мало кого интересовали.

Исследователи в лучшем случае стремились оценить, насколько они могут помешать или поспособствовать реализации целей больших держав. При этом каждая крупная страна старалась составить представление о том, при помощи каких рычагов можно расширить влияние на региональную ситуацию. Американским аналитикам всемогущим инструментом казалась демократизация, в том числе революционная – сначала «исламско-демократическая», а потом «майданно-площадная». Российские и китайские ученые выступали за консервативные версии реформ экономических системы центральноазиатских стран и их политического устройства. Оптимальным вариантом стабилизации ситуации при благоприятном для России и Китая ее протекании казался умеренно-реформистский курс при балансировании между избирательной политической либерализацией или использованием рыночных механизмов под контролем государства.

Малые и средние страны вынуждены лавировать. Однако вектор маневрирования не исчерпывал смысл их внешних политик. Местные государства тяготеют к нейтралizmu. В 1990-х годах о нем официально попытались заявить Туркменистан и Киргизия⁶. Правда, о классическом нейтралитете Швейцарии и Швеции в местном контексте говорить не приходится. В регионе сохраняются источники угроз – со стороны Афганистана, экстремистов в Фергане и потенциальной нестабильности в исламских регионах Китая. Опыт Узбекистана, Таджикистана и самой Киргизии свидетельствует в пользу иллюзорности классического нейтрализма в этой части мира.

Вот почему в осмыслении перспектив нейтрализма центральноазиатские страны могут рассчитывать скорее на вариант «умеренно вооруженного нейтралитета» по образцу государств АСЕАН. Такой вариант при определенных обстоятельствах мог бы устроить все страны региона, включая Казахстан и Туркмению. Но в силу военно-политических реалий такой вариант непригоден для немедленной реализации. Страны региона включены в многосторонние отношения с Россией через ОДКБ, а также с Россией и Китаем через ШОС. Правда, гибкость обязательств по этим договорам и неразработанность практики их применения позволяют входящим в них

⁶ По сути нейтралистскими являются все концепции центральноазиатских стран. Таковы доктрины «многовекторной политики» и политики «открытых дверей» в Таджикистане, концепции «дипломатии шелкового пути» и региональной безъядерной зоны в Киргизии, нейтралитета Туркменистана, «евразийства» Казахстана, трактуемого как «ориентация» одновременно на Россию, Евросоюз, США и Китай. Узбекистан придерживается логики «свободы рук и союзов», которая тоже представляет собой вариант «потенциального нейтрализма».

странам оставаться самостоятельными в сфере внешнеполитического поведения. Оба договора являются больше механизмами координации и профилактики угроз, чем боевыми организациями, способными к быстрой мобилизации ресурсов входящих в них стран⁷.

В то же время наличие этих структур дает малым и средним странам желанные для них гарантии внутренней и международной безопасности. Причем, они сохраняют возможность по своему усмотрению дозировать практическое участие в сотрудничестве с Россией и Китаем, не отказываясь от балансирования и ориентации на нейтралитет в принципе.

Соединение во внешних политиках центральноазиатских стран линии на партнерство с Россией и Китаем, с одной стороны, и стремлением независимо от них развивать сотрудничество с США и ЕС, не участвуя в военном сотрудничестве вне пределов минимальной необходимости безопасности, характеризует тип внешнеполитического поведения, который можно назвать *потенциальным* или *отложенным* нейтралитетом. Этот принцип *фактически* стал после 1991 года системообразующим элементом международных отношений в Центральной Азии.

Становление этнополитических соотношений в регионе

Как и почти вся центральная и восточная часть Евразийского материка, Центральная Азия формировалась в историко-политическом отношении под влиянием взаимодействия оседлых и кочевых этносов. Оседлые культуры складывались в более благоприятных условиях южных частей региона Центральной Азии – оазисах, обеспеченных плодородными почвами и водой. Кочевые народы волнами приходили в регион с северо-востока, покоряли оседлые этносы, закрепляясь среди них и образуя с ними государственно-политические общности, развивавшиеся в многоэтничные территориальные

⁷ В этом нет патологии. Блок НАТО, особенно после начала войны в Ираке (2003 г.) тоже эволюционирует к размягчению обязательств стран-участниц. Из жесткого военного союза он превращается в «блок политико-идеологической солидарности» и «общий пул» военных, экономических и пространственных ресурсов входящих в него государств. Малые и средние страны НАТО, судя по фактам, могут участвовать, а могут и не участвовать в войнах, которые затевают более мощные государства альянса. При всей разности условий такая модель функционирования НАТО аналогична той, которая «явочным порядком» складывается в ОДКБ и ШОС. В самом деле, Румыния или Исландия в чрезвычайных ситуациях могут либо непосредственно воевать за интересы «братских стран» НАТО, либо занять позицию, очень близкую к тому, что выше было названо «минимально вооруженным нейтралитетом».

государства имперского типа. Вместе с тем, нашествия разоряли очаги оседлой культуры и уничтожали их население. Основанное на архетипе собирательства непроизводительное, кочевое хозяйство паразитировало на земледельческих очагах, компенсировало свои слабости за счет богатств, захватываемых при разорении оазисов.

Оседлые культуры быстро давали жизнь государствам. Мало пригодный для организованной эксплуатации в традиционных формах, кочевой уклад *исходно* выступал альтернативой государственности. Однако кочевники нашли вариант адаптации к государству через симбиоз с ним. Внутри Бухарского эмирата, например, потомки кочевников составили «специализированный клан» – слой (по сути дела, племя) профессиональных воинов⁸.

Часть завоевателей становилась системообразующим элементом новых правящих элит, другая часть – смешивалась, не всегда сливаясь с населением завоеванных территорий, формируя вместе с ним социальный «низ». При этом в ряде случаев могла веками сохраняться «этническая специализация» разных групп населения: завоеванные группы тяготели продолжать привычную хозяйственную деятельность (земледелие, ремесленничество, строительство крепостей и каналов, торговля), пришлые – предпочитали оставаться и становиться воинами, управленцами низовых уровней, а позднее – тоже торговцами. Взаимная диффузия этнических специализаций, конечно, происходила. Но этнически окрашенные архетипы экономического поведения (по М. Веберу и А.С. Ахиезеру) хорошо различимы в странах Центральной Азии и сегодня, характеризуя деятельность «исторически коренных» и «исторически пришлых»⁹ (русские, украинцы, армяне, еврей-ашкенази, греки) групп населения.

В начале XX века появление в регионе переселенцев из Российской империи отчасти происходило в соответствии с отмеченными тенденциями, отчасти вопреки им. Ставшее укрепляться при П.А.Столыпине казачество Семиречья с точки зрения историко-демографических трендов представляло собой явление, сопряженное с очередным завоеванием региона северянами. Различие состояло в том, что все прежние волны северных завоеваний были вторжения

⁸ Каковым были и татары Крымского ханства, в котором они составляли меньшинство по отношению к своим подданным-нетатарам (армянам, грекам, караимам, крымчакам). После распада СССР и частичной «ре-трибализации» социальных отношений в некоторых частях региона, кланы профессиональных контрабандистов и наркоторговцев тоже стали вести себя как «специализированные племена». Племенные архетипы поведения, замороженные при советском строе, стали восстанавливаться.

⁹ Такое обозначение условно: за двести лет после переселения русских и украинцев в Центральную Азию они там укоренились и сегодня представляют собой во всех смыслах, кроме исторического, группы *коренного населения* соответствующих стран.

ми кочевых культур в земледельческие. Завоевание Центральной Азии Россией, наоборот, было экспансией земледельческой культуры в кочевую (применительно к Казахстану) и одной земледельческой культуры – в другую (применительно к Ташкентскому и Ферганскому оазисам).

Архетипы этнически окрашенной экономической специализации в Российской империи и СССР дали жизнь этнополитической специализации. Часть завоевателей-северян тяготела к специализации на административном управлении, другая – влилась в городские и сельские низы, образовав внутри них подгруппы земледельцев и, по мере индустриализации, рабочих, инженеров, врачей, учителей, лиц свободных профессий.

Русский элемент стал играть преобладающую роль в управленческих структурах присоединенных территорий. После революций 1917 г. в России и последующего вхождения Бухары и Хивы в состав СССР состав политико-административной элиты региона стал в этническом отношении более разнообразным. Русский и украинский элемент был дополнен как другими некоренными этносами (еврейским, армянским), так и местными группами населения, получившими гораздо более широкий, чем прежде, доступ к власти без дискриминации по религиозному и политико-этническому признакам.

«Советская элита» в Центральной Азии была многоэтничной. В этом смысле механизм ее формирования соответствовал привычной для региона взаимной этнической терпимости и традиции *оазисно-имперской* идеологии. В роли первых лиц в республиках советской Средней Азии и Казахстане как правило выступали прямые назначенцы Москвы – из местных уроженцев или приезжих из других частей СССР.

Включение Центральной Азии в Советский Союз вызвало изменения в регионе. Крупнейшими нововведениями стали перевод Казахстана в режим оседлости и проведение в южной части региона водно-земельной реформы. В результате превращения казахов и киргизов в оседлых жителей, часть казахских и киргизских родов бежали на территорию Китая в Синьцзян.

Важнейшим политическим последствием водно-земельной реформы было полное уничтожение сельской части русской диаспоры в Центральной Азии. Успевшее было укорениться в Семиречье казачество перед лицом советских нововведений встало на сторону белого движения. В ходе гражданской войны казаки и их семьи были уничтожены, репрессированы или вслед за казахами и киргизами бежали в Синьцзян. Русская диаспора в регионе с той поры существовала, за исключением Северного Казахстана в годы целины, почти исключительно в городах.

В годы Второй мировой войны в Среднюю Азию и Казахстан было эвакуировано от 3 до 5 млн. человек из Европейской части СССР. В основном это были образованные люди, при помощи которых удалось решить крупные социальные проблемы и задачи культурного строительства. Была ликвидирована безграмотность и созданы основы системы здравоохранения. К тем же годам относятся создание в Центральной Азии современного театрального и музыкального искусства, литературы, системы университетского образования. Часть пришлого населения позднее покинула регион, другая – осталась и способствовала росту его этнического многообразия.

В том же направлении действовали тенденции, связанные с высылкой в годы войны из Поволжья, Крыма и с Северного Кавказа репрессированных народов (немцев, крымских татар, балкарцев, карачаевцев, греков, чеченцев, ингушей и других). В последующие годы в регион направлялись волны политических иммигрантов из Греции. После завершения восстановительных работ после Ташкентского землетрясения 1966 г. часть рабочих разноэтничных строительных бригад тоже пожелала остаться в регионе.

«Сдвоенная» система политического управления в республиках советской Средней Азии и Казахстана

Конфигурация этнических специализаций стала меняться с 1950-х годов. «Исторически коренные» этносы постепенно стали стремиться сосредоточить в своих руках политическое и административное управление. Москва поддерживала практику назначения на позиции первых лиц местных уроженцев из числа коренных этносов, оставляя за собой право их утверждения. При этом, из столицы в обязательном порядке направлялись в союзные республики в качестве вторых лиц при местных руководителях (вторых секретарей ЦК и обкомов партии) представители неместных этнических групп и неместных уроженцев. В обязанности последних входило кураторство республиканских органов КГБ, снабжение центральных органов объективной информацией с мест, наблюдение за этнополитическими процессами и иногда – их регулирование при помощи беспристрастного посредничества.

Вторые секретари, однако, могли выполнять свои функции лишь с ограниченным успехом. Будучи чужаками, они с трудом ориентировались в неформальных механизмах регулирования общественных отношений в Центральной Азии, не были в них включены, а часто – наоборот, оказывались изолированными от них и соответствующей информацией. *В отсутствие официальных демо-*

кратических механизмов карьерного роста и распределения благ начали заново складываться (или оживать) механизмы неформального регулирования общественных отношений на основе этнических, родственных, клановых и иных связей.

В итоге первые лица союзных республик, при желании, могли создавать своего рода параллельные структуры власти: в дополнение к официальной партийно-советской иерархии соподчиненности постепенно складывались системы неформального управления при помощи механизмов мобилизации лояльности тех или иных групп населения (родов, землячеств, старейшин) в интересах первых лиц из числа местных уроженцев.

Церковные деятели, как правило, влияли на эти структуры косвенно, оставаясь вне органов государственной власти. Однако они имели возможность влиять на деятелей культуры, которые, оставаясь *светскими* по поведению и открыто выражаемым взглядам, могли представлять мнения *религиозных кругов* во власти.

Фактически с начала 1960-х годов в Центральной Азии существовала «сдвоенная» структура управления. Первая – официальная и регулируемая в кадровом и политическом отношении в соответствии с надэтнической идеологией и этикой КПСС, вторая – неформальная, традиционно-групповая, этнически окрашенная, закрытая для влияния Москвы. Первая – была инструментом модернизации, нивелирования этнических различий и централизации. Вторая – средством консервации традиционных обществ, сохранений этнических своеобразий, накопления политико-идеологического потенциала самостоятельности республик. Наиболее зрелые образцы «сдвоенного» управления сложились в Казахстане при Д.А.Кунаеве, Узбекистане при Ш.Р.Рашидове и Туркмении при С.А.Ниязове. Возможно, кочевое хозяйство, рудименты которого сохранялись, и служило основой консервации родоплеменных связей и социальной архаики.

Экономические отношения внутри Советского Союза в целом отвечали интересам центральноазиатских элит, хотя последствия хозяйственных преобразований той поры были противоречивыми. Например, неразумная ирригационная политика и форсированное выращивание хлопка привело к расточительной модели расходования водных ресурсов главных рек. Строительство Каракумского канала им. В.И.Ленина создало технические условия для перераспределения ресурсов р. Аму-Дарьи в пользу Туркмении, которая употребила их для орошения пустынных земель южных районов. Все республики региона, освоив водорасточительную модель экономики, столкнулись с ее тяжелыми экологическими последствиями. В результате водозабора для орошения почти до нуля упал сток

Аму-Дарьи в Аральское море. Началось его пересыхание и связанная с этим экологическая катастрофа.

Вместе с тем в рамках единого народнохозяйственного комплекса СССР будущие страны Центральной Азии имели ряд существенных преимуществ. Доля Российской Федерации в составе СССР в формировании общесоюзного бюджета составляла в 1980-х годах 21%, доля Казахстана – 16%, Киргизии – 12%. Три остальные республики региона от выплат в союзный бюджет были освобождены, полностью тратя республиканские доходы на внутренние нужды.

Более того, союзное правительство ежегодно выделяло им крупные дотации, формируемые за счет взносов в общесоюзный бюджет других республик Советского Союза. Кроме того, из Российской Федерации в республики Центральной Азии переводились средства на личные счета граждан, объем которых превосходил государственные дотации из союзного бюджета. В такой ситуации республиканские власти хотели не отделения от экономического организма Советского Союза, а независимости от Москвы в вопросах своих «внутренних дел».

«Подтягивание» Центральной Азии к уровню развития СССР в целом определяло повышение уровня жизни их населения. Вследствие этого в регионе сначала резко снизилась детская смертность, а затем последовал бум рождаемости. Реформа системы среднего и высшего образования, его доступность и относительно высокое качество привели к появлению большого числа образованных специалистов, которые не находили себе применения в своих республиках. Прирост числа рабочих мест для лиц с высшим образованием происходил медленнее, чем росло число этих лиц. Конкуренция за престижную и хорошо оплачиваемую работу окрасилась этническими красками. Специалисты «исторически коренных этнических групп» требовали и неформально получали привилегии при поступлении на работу по сравнению со специалистами групп «исторически пришлых». Ничего подобного современной миграции неквалифицированной рабочей силы из Центральной Азии в Россию до распада СССР не наблюдалось.

В регионе возникла скрытая безработица и связанное с ней недовольство, которое легко было направить против Москвы. Русские упрекали союзное правительство в нежелании защитить их права в союзных республиках, а представители «исторически коренных этносов» говорили об ответственности Москвы за «колониальную структуру» экономики республик.

При этом, в отличие от республиканской партийной и хозяйственной элиты, местная художественная интеллигенция имела ограниченный доступ к экономическим благам, которые давало рес-

публикам пребывание в составе СССР. Как это было в конце 1970-х годов в Иране, образованные слои стран Центральной Азии в конце 1980-х и начале 1990-х годов помогли сформулировать первые опозиционные программы, написанные в духе этнического традиционализма. В них нашлось место для политических идей зарубежных исламистов, которые транслировались в культурную среду центральноазиатских республик по мере расширения контактов с внешним миром. В регионе стали нарастать признаки межэтнических трений и сепаратистские настроения.

По мере укрепления «сдвоенной» структуры общественно-политической организации в Центральной Азии, «исторически припавшие» этносы теряли влияние и некогда более благоприятные позиции в административно-политическом управлении, оказываясь оттесненными в лучшем случае в хозяйственную сферу. В последние два десятилетия существования СССР коренные этнические группы пользовались широкой системой неформальных привилегий в вопросах получения образования и занятия руководящих должностей. Представители других этнических групп становились неконкурентоспособными в условиях Центральной Азии.

Осознание этой ситуации стимулировало раздражение русских и иных групп населения, которое становилось известным в Москве. При кратком правлении Ю.В.Андропова (1982-1983) центральная власть попыталась ужесточить стандарты представительства разных групп населения в руководящих органах союзных республик при помощи более строгого соблюдения квот на занятие соответствующих должностей. Стремясь ограничить роль неформальных механизмов регулирования ситуации на местах, союзные власти попытались также в середине 1980-х годов вернуться к практике назначения первыми лицами союзных республик представителей некоренной национальности. Но «перестройка» и демократизация СССР лишили оснований линию на ужесточение контроля центральной власти над союзными республиками.

* * *

Доклад подготовлен на базе исследовательского проекта Научно-образовательного форума по международным отношениям (НОФМО) «Международные отношения в Центральной Азии», основные результаты которого будут скоро опубликованы. Работа написана исследователями из разных городов Российской Федерации, а весь проект – плод той сети межрегиональных связей международников России и стран СНГ, которая с 1997 г. сформировалась вокруг Научно-образовательного форума по международным отношениям и журнала «Международные процессы» при под-

держке Фонда Макартуров, отделение которого в Москве возглавил И.А.Зевелев.

В России ширится интерес к Центральной Азии, а в ведущих университетах начинают преподавать проблематику соответствующих стран для подготовки нового поколения специалистов. Отсутствие обобщающего исследования по международным отношениям в регионе затрудняет эту работу. Внести вклад в решение этой практической проблемы в первую очередь стремились авторы.

В подготовке работы большую роль сыграли коллеги из Московского государственного института международных отношений МИД России, Института востоковедения и Института проблем международной безопасности Российской Академии наук, а также Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В.Ломоносова. С нами взаимодействовали, помогая советом и участием, коллеги из Томского государственного университета и Амурского государственного университета (Благовещенск). Особо следует сказать о полезности творческих контактов с учеными Алтайской школы востоковедных исследователей в лице коллег из Алтайского государственного университета и Барнаульского государственного педагогического университета – покойного В.А.Моисеева, В.А.Бармина, А.А.Бойко, О.А.Омельченко, А.Ю.Быкова, О.В.Боронина.

На разных этапах завершению проекта помогали советы и замечания московских коллег – А.Д.Воскресенского, А.В.Виноградова, И.Д.Звягельской, П.В.Кожина, С.Г.Лузянина, В.В.Наумкина, С.А.Панарина, а также известных казахстанских специалистов – М.Е.Шайхутдинова, И.В.Ерофеевой, К.Л.Сыроежкина, С.Б.Кожировой, Л.Р.Скаковского.

Москва, 4 мая 2010 г.

Международные отношения в Центральной Азии в 2000-х годах

Новой чертой ситуации в начале 2000-х годов стало заметное усиление присутствия Китая, который стремился стать второй после России политической и военной силой региона. Важнейшей стратегической целью КНР было ограничение возможностей западных держав приобрести и расширить свои военно-стратегические позиции в Центральной Азии. Регион объективно выглядел стратегическим «тылом» КНР, если «фронтом» китайской внешней политики считать рубежи дипломатического противостояния с США по вопросу о Тайване, присоединения которого много десятилетий добивается Пекин.

Регион также стал приобретать для КНР большое экономическое значение, поскольку быстрый рост китайской экономики в 1990-х годах сопровождался стремительным возрастанием потребления в Китае энергоносителей и разных видов минерального сырья. Энергосырьевой импорт из Центральной Азии казался в КНР благоприятной перспективой тем большей, что в рынках малых и средних стран региона существовал спрос на китайские товары.

Курс на расширение влияния Китай строил осмотрительно. Дипломатия КНР стремилась избежать конкуренции с Россией, которую рассматривала не столько как соперника, сколько как партнера в деле предупреждения усиления позиций Запада. Вот почему Китай делал акцент на многосторонности – активизация его роли в региональных делах происходила в рамках китайско-российского двустороннего партнерства и многостороннего сотрудничества, в котором наряду с КНР и Россией принимали участие малые и средние страны региона.

Образование Шанхайской организации сотрудничества (июнь 2001)

Как уже говорилось, с 1996 г. Китай, Россия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан стали регулярно проводить встречи в пятистороннем формате. Возник «шанхайский форум», в работе которого, спустя некоторое время в качестве наблюдателя стал участвовать Узбекистан. В июне 2001 г. в Шанхае на очередной встрече в верхах участники «пятерки» приняли декларацию о создании новой международной организации – Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). К новой организации в качестве полноправного члена при-

соединился Узбекистан. Была подписана Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

Инициатива институционализации «Шанхайского процесса» исходила от Китая. Участники ШОС по-разному видели приоритетные направления сотрудничества. Центральноеазиатские страны стремились переключить внимание ШОС на экономические вопросы. Китай был заинтересован в интенсификации сотрудничества в сфере политики и безопасности, прежде всего борьбы с исламским экстремизмом, представлявшим угрозу для стабильности в Синьцзяне. Россия занимала промежуточную позицию.

В Москве и столицах малых и средних стран региона не хотели, чтобы ШОС казалась «бастионом» против американского влияния. КНР чувствовала себя менее скованной в вопросах региональной политики. Кроме того, ей было важно заручиться политической поддержкой малых и средних стран региона в вопросах сдерживания экстремистских групп исламского населения СУАР, прежде всего уйгурских. Некоторые организации уйгурских сепаратистов, как отмечалось, имели опорные точки в центральноазиатских странах, и обязательство правительств этих стран сотрудничать с Пекином в сфере безопасности неизбежно привело бы к усилению давления на зарубежные ячейки уйгурских радикалов.

Политизация ШОС усилилась после нападения 11 сентября 2001 г. террористов на американские города Нью-Йорк и Вашингтон, после чего США при поддержке России, Китая и стран ЕС стали формировать «глобальную антитеррористическую коалицию». Имелось в виду, что в первую очередь она будет направлена против террористических групп, выступающих под исламскими лозунгами.

В рамках ШОС, главным образом благодаря настойчивости Пекина, поддержанного Россией, ускорилась подготовка устава ШОС и соглашения о создании региональной антитеррористической структуры. В июле 2002 г. на саммите ШОС в Санкт-Петербурге устав был подписан. Одновременно было заключено Соглашение о региональной антитеррористической структуре (РАТС), которую предполагалось разместить в Бишкеке.

Заключение российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве

16 июля 2001 г. в Москве был подписан сроком на 20 лет российско-китайский Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Это был обширный документ, вызвавший в мире значительный резонанс. Российско-китайские договоренности можно было подразде-

лить на три группы. Первая (ст. 2–7) касалась политических основ сотрудничества. Стороны заявили в отношении друг друга об отказе от использования силы, применения ядерного оружия первыми и взаимного нацеливания стратегических ядерных ракет. Они также провозгласили свою приверженность принципам мирного сосуществования и взаимному уважению права каждой стороны на выбор собственного пути. Отдельно было сказано о взаимной поддержке сторонами позиций каждой из них по вопросам обеспечения государственного единства, что означало признание Российской Федерацией позиции КНР в вопросе о Тайване (правительство КНР – единственный законный представитель Китая, а Тайвань – часть Китая), а руководством Китая – позиции России в чеченском вопросе. Смысл статей 2–7 был равнозначен договоренностям, характерным для пакта о ненападении.

Вторая группа договоренностей (ст. 8–10) касалась проведения между КНР и РФ регулярных консультаций по вопросам обеспечения мира и безопасности и отказа от вхождения в союзы и блоки, наносящие ущерб интересам одной из сторон. Стороны согласились в случае возникновения угрозы миру вступать в контакт друг с другом в целях ее устранения. Эта группа взаимных обязательств напоминала положения, типичные для договоров союзнического характера, хотя слово «союз» в тексте российско-китайского договора не употреблялось.

Это впечатление усиливалось при прочтении статей 11 и 12, в которых говорилось о том, что КНР и Россия выступают за соблюдение норм международного права и против попыток силового давления или вмешательства под каким-либо предлогом во внутренние дела суверенных государств. После интервенций НАТО в Югославии в 1986 г. и 1999 г. это положение можно было трактовать как заявку на создание российско-китайской коалиции в защиту права на суверенитет и гарантию невмешательства, которым противоречила отстаиваемая странами НАТО политика и практика «гуманитарных интервенций».

Критикой в адрес США звучали положения о намерении сторон прилагать усилия для соблюдения глобального стратегического баланса и стабильности, а также способствовать соблюдению основополагающих договоренностей, обеспечивающих стратегическую стабильность. К тому времени администрация США не скрывала планов развертывания национальной системы противоракетной обороны, что означало намерение Вашингтона подвергнуть ревизии положения советско-американского договора ПРО от 1972 г., против чего выступала Россия. В ст. 20 говорилось о намерении сторон сотрудничать в борьбе с терроризмом.

В том виде, в каком он был подписан, российско-китайский договор не был «типичным» военно-политическим договором, каковые заключались в XX веке. Но он представлял собой комплекс серьезных взаимных обязательств, принятие которых означало переход российско-китайских отношений от этапа всесторонней нормализации (1989–2001) к этапу формирования политического союза с элементами сотрудничества в сфере безопасности. Договор был воспринят на Западе с подозрением. Обозреватели писали о формировании российско-китайской «оси» против НАТО. В отношениях между Россией и США стало больше взаимной настороженности.

Летом 2002 г. в Санкт-Петербурге состоялся новый саммит ШОС, на котором был принят ее устав. Одновременно страны-участницы приняли решение о создании на основе коллективных усилий международного антитеррористического центра в Бишкеке (Киргизия).

Война США против талибов в Афганистане и ее влияние на региональную ситуацию

Террористические акты 11 сентября 2001 г. в Соединенных Штатах дали повод США и ряду американских союзников по НАТО начать военную операцию против талибов в Афганистане. Соединенные Штаты начали наносить по их позициям массированные удары с воздуха, а с севера на Кабул стали наступать силы Северного альянса, опиравшегося на поддержку широкой коалиции стран, включая США, Россию, Таджикистан, Узбекистан и другие государства. Киргизия и Узбекистан, не встречая противодействия Москвы, приняли решение предоставить Соединенным Штатам военно-воздушные базы на своей территории. В декабре 2001 г. Кабул был взят силами Северного альянса, и в Афганистане начался сложный процесс формирования новой власти. Талибы были оттеснены к границам Пакистана или на пакистанскую территорию.

Война против талибов дала толчок к трансформации внешних параметров стратегических отношений в Центральной Азии. Новой важнейшей чертой ситуации стало появление в регионе военного присутствия США. Американские военные базы были созданы в Кыргызстане, Узбекистане и Таджикистане. В дополнение к ним, четыре американские базы появились в Пакистане. В Афганистане был дислоцирован 20-тысячный контингент американских сил. Кроме того, на афганской территории были размеще-

ны Международные силы содействия безопасности под руководством НАТО численностью 9–11 тыс. человек. Вашингтон стал оказывать значительное влияние на региональную систему.

С развертыванием американского военного присутствия в Центральной Азии осложнилось стратегическое положение Китая. Американская политика развития политических и военных связей с соседями КНР по периметру китайских границ неожиданно для Китая распространилась на регион, рассматриваемый в Пекине как стратегический тыл и потенциальная сфера китайского влияния. Возникли новые стимулы к активизации Китаем многосторонней дипломатии в регионе и двусторонних связей с местными странами в сфере безопасности и энергетического сотрудничества.

В краткосрочном плане Российская Федерация в основном была удовлетворена результатами военной победы над враждебным ей режимом талибов, одержанной к тому же за счет ресурсов США. Вместе с тем, возникновение военного присутствия США на южных рубежах Центральной Азии резко увеличило конкурентность региональной среды для российских интересов. В долгосрочной перспективе это обещало Москве возникновение сложных проблем. В случае вхождения Узбекистана, Таджикистана и Киргизии в систему военно-политического присутствия США в регионе, пределы влияния Москвы на центральноазиатских соседей могли резко уменьшиться. Возрос потенциал отхода малых и средних стран от союзнических отношений с Россией к линии на неприсоединение, нейтралитет или даже переориентацию на союз с США.

Союз стран Центральной Азии с США расширил бы американским компаниям возможности для доступа к энергоресурсам восточного побережья Каспия и мог сработать на уменьшение роли России в мировой энергетике. Для предупреждения «крайних» сценариев такого рода требовались крупные российские инвестиции и активизация российской политики в регионе. России отныне приходилось иметь в виду конкуренцию со стороны не только Китая, но и США.

Положение в самом Афганистане оставалось крайне неустойчивым. Новое проамериканское правительство Хамида Карзая не пользовалось поддержкой афганской племенной знати. Его власть опиралась на поддержку натовских солдат и не распространялась за пределы Кабула. Власть на местах была отнята у талибов, но она перешла в руки полевых командиров, которые лишь условно признавали первенство Х.Карзая, 13 июня 2002 г. ставшего президентом страны (повторно переизбран в 2009 г.). В стране резко выросло производство опиумного мака. Американские оккупационные силы и кабульское правительство не могли этому воспрепятство-

вать и были вынуждены молча смириться с развитием «наркосто-номики», следствием которого оказался рост наркотрафика из Афганистана. Соответственно, продолжилась борьба за контроль над северным маршрутом контрабанды наркотиков через Фергану и Россию в страны ЕС.

Ситуация в Афганистане дестабилизировала положение в Пакистане. Между тем, в 1998 г. Пакистан и Индия произвели испытания ядерного оружия и стали «нелегальными ядерными державами». Приток в Пакистан талибов, отступивших из Афганистана, резко увеличил потенциал воинствующих исламистских групп внутри Пакистана, которые выступали против президента П.Мушаррафа. «Исламская революция» в Пакистане могла привести к попаданию ядерного оружия в руки экстремистов, что могло придать ядерное измерение и конфликту в Афганистане со всеми последствиями для сопредельных с ним стран Центральной Азии.

Обострились ирано-американские противоречия в связи с ядерной программой Ирана. Иранское руководство было напугано появлением американских войск у своих восточных границ так же, как сетью американских баз ВВС в Центральной Азии и Пакистане. В Тегеране были настроены видеть в иранской ядерной программе инструмент ограничения воинственности Вашингтона.

В то же время явные признаки радикализации правящего в Тегеране режима и перспектива появления у Ирана ядерного оружия представляли собой вызов стабильности в Центральной Азии. Китай, Россия и Индия стремились умерить радикализм иранской политики и подключить Иран к институтам многостороннего сотрудничества.

Пакистан, оказав Соединенным Штатам поддержку в войне против талибов, упрочил свои международные позиции. Были сняты санкции, введенные Вашингтоном против Исламабада после ядерных испытаний 1998 года. Возросли объемы американской экономической помощи, расширилось американо-пакистанское военное и военно-техническое сотрудничество.

Война США против талибов привела и к активизации внешней политики Индии. В Дели стали рассматривать Центральную Азию как один из «горизонтов безопасности» страны. Знаковым событием стало открытие в 2002 г. небольшой индийской военной базы в Таджикистане. Индия стала наращивать влияние в Афганистане и развивать военно-техническое и политическое сотрудничество с Узбекистаном и Казахстаном.

Возникли условия для превращения Центральной Азии в сферу конкуренции между Индией, Китаем и Пакистаном за доступ к энергоресурсам и влияние на страны региона. Усилия индийской

дипломатии в регионе встречают понимание Соединенных Штатов. Американская администрация сомневается в устойчивости проамериканской ориентации Пакистана, альтернативой партнерству с которым могут стать американо-индийские связи. Кроме того, Индия выглядит в оценках американских политиков потенциальным противовесом Китаю.

Активизация политики внерегиональных государств порождает в регионе новые комплексы противоречий. Нестабильность рынков энергоносителей, мировой финансовый кризис 2008-2009 годов внесли в обстановку дополнительную нервозность. Тем не менее, малые и средние страны региона старались проявлять сдержанность и избегать откровенной игры на противоречиях между сильными державами, хотя объективно поле для таких маневров расширилось.

Падение режима талибов избавило страны Центральной Азии от основной внешней угрозы. Серьезный удар был нанесен по экстремистским и террористическим группировкам, в том числе по Исламскому движению Узбекистана. Однако рост производства наркотиков в Афганистане и объемов их транспортировки через территорию Центральной Азии усиливал криминализацию экономики центральноазиатских государств, особенно беднейших. Финансовая и социальная база экстремистских организаций и террористических группировок продолжала крепнуть. Альянс наркобизнеса и терроризма был основным вызовом региональной стабильности.

Образование ОДКБ (2001) и военно-политическое сотрудничество малых и средних стран с Россией

Начало войны США в Афганистане послужило толчком к реорганизации военно-политических отношений в СНГ. С одной стороны, возникновение фактора американского военного присутствия в Центральной Азии выступало вызовом интересам России. С другой – сближение Москвы и Вашингтона на базе согласованного противостояния международному терроризму нейтрализовало потенциально антизападный оттенок, который могло иметь углубление военно-политического сотрудничества России с ее партнерами внутри СНГ. Последнее было важно политически и психологически и для России, и для центральноазиатских стран.

В мае 1999 г. истек пятилетний срок действия Ташкентского договора 1992 года (он вступил в силу в апреле 1994 г.). Три страны – Азербайджан, Грузия и Узбекистан – отказались продлевать

свое участие в нем. Азербайджан был неудовлетворен крепнущим российско-армянским сотрудничеством и отсутствием прогресса в карабахском урегулировании, Грузия – терпимостью России к абхазскому и югоосетинскому сепаратизму. Остальные шесть стран (Армения, Белоруссия, Россия, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан) представляли собой более или менее консолидированную по военно-политическим интересам группу. Они и решили перевести сотрудничество в рамках ДКБ на новый уровень.

Состав участников, стремление нового российского руководства к более активной политике в Центральной Азии и рост террористической и религиозно-экстремистской угрозы в регионе определили доминирование в деятельности ДКБ центральноазиатского направления. В мае 2001 г. было принято решение о создании военной составляющей ДКБ – Коллективных сил быстрого развертывания (КСБР) Центральноазиатского региона коллективной безопасности. КСБР, состоящие из воинских контингентов России, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана, насчитывали 1,5 тыс. военнослужащих. Штаб КСБР был размещен в Бишкеке.

В мае 2002 г. шесть стран ДКБ на встрече в Москве приняли решение о преобразовании Договора в международную организацию. 7 октября 2002 г. в Кишиневе был подписан Устав Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В Уставе зафиксировано обязательство стран-членов координировать внешнеполитические позиции по проблемам международной безопасности, предусмотрены санкции за невыполнение принимаемых решений, носящих обязательный характер.

Согласно Уставу, высшим органом ОДКБ стал Совет коллективной безопасности. Начали действовать консультативные и исполнительные органы – Совет министров иностранных дел, Совет министров обороны, Комитет секретарей советов безопасности. Постоянный Совет, состоящий из полномочных представителей государств-членов, приступил к координации мер для реализации решений Организации. Был сформирован Объединенный штаб. Решение о создании ОДКБ вступило в силу в сентябре 2003 г. после ратификации Устава странами-участницами. 16 августа 2006 г. в Сочи было подписано соглашение о присоединении Узбекистана к ОДКБ (точнее, о восстановлении его членства в Договоре).

В рамках ОДКБ стали проводиться совместные учения, осуществляться поставки по льготным ценам российской военной техники. Стороны начали сотрудничать в подготовке военных кадров. В октябре 2003 г. в Кыргызстане, на аэродроме Кант в 20 км от Бишкека, была открыта авиабаза КСБР (фактически – российская военная база). ОДКБ остается наиболее мощной в Центральной

Азии структурой многостороннего военно-политического сотрудничества, имеющей военную составляющую и дающей гарантии помощи странам-участницам на случай агрессии.

Военно-политическое сотрудничество центральноазиатских стран осуществляется преимущественно в рамках возглавляемых Россией многосторонних структур ОДКБ – Объединенной системы противовоздушной обороны стран СНГ и Антитеррористического центра СНГ. Это сотрудничество дополняется двусторонними военно-политическими связями России со странами региона. После присоединения Узбекистана вне ОДКБ из стран региона остался только Туркменистан.

Важным направлением сотрудничества стран региона является участие в Объединенной системе ПВО (ОС ПВО) СНГ. Хотя соглашение о ее создании было подписано в 1995 г. всеми странами региона (из стран СНГ его не подписали только Азербайджана и Молдова), Туркменистан с 1997 г. фактически не участвует в ОС. Для координации сотрудничества по линии ОС ПВО действует координационный комитет во главе с командующим войсками ПВО России.

В конце 2000 г. по решению Совета глав государств СНГ был создан Антитеррористический центр СНГ (АТЦ), являющийся постоянно действующим органом координации деятельности спецслужб по борьбе с международным терроризмом и экстремизмом. АТЦ имеет структурное подразделение по центральноазиатскому региону в Бишкеке. Ежегодно проводятся учения спецслужб СНГ. Общее руководство АТЦ осуществляет Совет руководителей органов безопасности и специальных служб стран СНГ.

Россия сохранила тесные военно-политические связи с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном. Российско-казахстанский союз был укреплен подписанием в 2003 г. Соглашения о совместном планировании применения войск и в 2004 г. Договора о сотрудничестве и взаимодействии по пограничным вопросам. В Кыргызстане в октябре 2003 г. была открыта российская военная авиабаза, функционирующая в рамках КСБР ОДКБ. Россия и Таджикистан в октябре 2004 г. разрешили противоречия, возникшие в связи с преобразованием 201-й мотострелковой дивизии, размещенной в республике с советских времен, в военную базу. Были подписаны соглашения, конкретизирующие российско-таджикский договор 1999 года. Частью российской базы стал оптико-электронный узел «Нурек» военно-космических сил России. Численность российских военнослужащих в Таджикистане составляет более 5 тыс. человек (крупнейший российский контингент за рубежом).

В соответствии с подписанными в 2004 г. соглашениями к 2006 году российские пограничники из Таджикистана были вывезены

дены, а функции по охране границ перешли к таджикской пограничной службе. При этом была создана оперативная пограничная служба ФСБ России в Таджикистане. Она не имеет войсковой составляющей и оказывает таджикским пограничникам помощь в организации контроля над границами и подготовке кадров.

В 2004–2005 годах между Россией и Узбекистаном были подписаны Договор о стратегическом партнерстве (16 июня 2004 г.) и Договор о союзнических отношениях (14 ноября 2005 г.). Они предусматривают оказание взаимной помощи в случае агрессии со стороны третьих стран и позволяют сторонам при необходимости использовать военную инфраструктуру друг друга на взаимной основе.

Военно-политические связи малых и средних стран с США

После террористических актов 11 сентября 2001 г. борьба с терроризмом во всемирном масштабе была объявлена основной задачей внешней политики США. Афганистан стал первым объектом анти-террористической кампании, а страны Центральной Азии были объявлены в Вашингтоне «прифронтовыми государствами».

Узбекистан, имевший более развитые военно-политические отношения с Соединенными Штатами, первым из стран региона разрешил американским военным использовать свою военную инфраструктуру. На авиабазе в Ханабаде было размещено 1–1,5 тыс. американских военнослужащих. Ташкент расценил сложившуюся ситуацию как возможность упрочить статус партнера США в регионе. В марте 2002 г. США и Узбекистан подписали Декларацию о рамках стратегического партнерства и сотрудничества. В ней говорилось о том, что США будут рассматривать любую внешнюю угрозу безопасности и территориальной целостности Республики Узбекистан с максимальной серьезностью.

Расширилось американо-таджикское сотрудничество. Авиация США и союзников получила право использования воздушного пространства страны и базирования в Кулябе. США сняли ограничения на поставки *Таджикистану* военного снаряжения. Между Вашингтоном и Душанбе установился регулярный политический диалог.

В декабре 2001 г. *Кыргызстан* предоставил США и союзникам авиабазу в аэропорту Манас сроком на один год. В июне 2003 г. соглашение об условиях использования авиабазы было продлено на три года, а в июле 2006 – еще на пять лет. В феврале 2009 г. президент К.Бакиев во время визита в Москву заявил о намерении расторгнуть соглашение об аренде Манаса. Поскольку одновременно

было объявлено о согласии российского руководства предоставить Киргизии значительную финансовую помощь и инвестиции в строительство Камбаратинской ГЭС-1, комментаторы приписали киргизский демарш в отношении с США влиянию России. В марте того же года киргизский парламент принял закон о выводе американских военнослужащих из Манаса до конца августа 2009 года, а вскоре киргизская сторона денонсировала все соглашения об использовании этой базы союзниками США.

Однако в июне 2009 г. после секретных переговоров между Бишкеком и Вашингтоном, Киргизия и США заключили соглашение о создании в Манасе Центра транзитных перевозок, позволившее фактически сохранить прежнюю базу в пользовании американцев под другим названием. При этом арендная плата была повышена с 17,4 до 60 млн. долларов в год. Этот шаг Бишкека был уравновешен подписанием в июле 2009 г. меморандума об открытии в Киргизии второй российской военной базы.

Казахстан сохранял тесные военно-политические связи с Россией. Кроме того, он учитывал негативное отношение Китая к американскому присутствию в регионе. При этом, по сообщениям американской печати, казахстанское руководство предложило Соединенным Штатам разместить на своей территории военные базы. Но Вашингтон не воспользовался ими, сославшись на отсутствие военной необходимости. В комментариях прессы говорилось о существовании в казахстанском руководстве разногласий по вопросу о базировании в стране американских сил и о давлении, оказанном на Казахстан Китаем с целью удержать Астану от углубления сотрудничества с США.

Тем не менее американские войска получили право пролета через воздушное пространство Казахстана и гарантированный железнодорожный транзит через казахстанскую территорию для сообщения с американскими базами в Кыргызстане и Узбекистане. Кроме того, американская авиация имела право совершать посадки в аэропорту Алматы в чрезвычайных случаях.

Туркменистан согласился открыть свое воздушное пространство для американских самолетов и предоставить наземные транспортные коридоры только для транспортировки в Афганистан гуманитарных грузов.

Центральноазиатские страны оказали Соединенным Штатам значительное, всестороннее и часто неформальное содействие в организации наступления на Кабул силами формирований Северного Альянса, костяк которых составляли афганские таджики и узбеки. Это была реальная помощь, без которой операция по изгнанию талибов могла иметь совсем другие результаты. По-

нимая это, американская администрация стала серьезнее относиться к отношениям со странами региона и поиску путей для закрепления своего присутствия в них на долгосрочной основе.

Война США против Ирака и ее последствия для ситуации в Центральной Азии

Политико-идеологическая атмосфера, которой сопровождалась подготовка войны США против Ирака в марте 2003 года, встревожила правительства стран Центральной Азии. Они не сочувствовали режиму С.Хусейна, но считали нападение США и Британии на Ирак произвольным вмешательством западных стран в дела азиатской страны, предпринятым к тому же без достаточных правовых и политических оснований. В регионе стали распространяться слухи о том, что администрация Дж.Буша может пожелать аналогичным способом осуществить интервенции и в других азиатских государствах, политика которых покажется Вашингтону не соответствующей американским интересам. Военное присутствие в США в Афганистане делало подобные сценарии технически возможными.

Элиты центральноазиатских стран стали усматривать в американской политике стремление сохранить стратегические приобретения, сделанные в Центральной Азии, не связывая себя конкретными обязательствами по обеспечению стабильности малых и средних стран региона. Росло недовольство американским вариантом афганского урегулирования, при котором на неопределенный срок сохранялась полугласная специализация экономики Афганистана на производстве наркотиков.

Неспособность США добиться политического урегулирования в оккупированных американскими войсками Афганистане и Ираке увеличивали сомнения в адекватности внешней политики США. Действия Вашингтона в афганских делах увеличивали вероятность экспорта нестабильности из Афганистана в сопредельные страны.

В 2004–2005 годах стали заметны изменения во внешней политике Узбекистана. Ташкент убедился, что предоставление Соединенным Штатам баз на узбекской территории не повлекло за собой повышения места Узбекистана в американских приоритетах. Кульминаций проамериканской активности Ташкента была почти демонстративная поддержка Ташкентом нападения США и Британии на Ирак в 2003 году. Россия и КНР в тот момент осторожно дистанцировались от Вашингтона. Выжидательно повели себя и руководители Казахстана, Киргизии и Таджикистана. Только Узбекистан счел важным громко заявить о солидарности с США.

Тем более удручающее впечатление на узбекское руководство произвела «неблагодарность» американской администрации во время событий в узбекском городе Андижане весной 2005 года. В это время в Киргизии происходила «тюльпанная революция». Антиправительственные выступления киргизов, которым явно сочувствовал Запад, стимулировали оппозиционные настроения на соседних узбекских территориях. 12–13 мая 2005 г. в Андижане произошли антиправительственные выступления, для подавления которых узбекские власти применили силу. Вашингтон выступил с резкими обвинениями в адрес правительства Узбекистана, которое было обвинено в нарушении прав человека. Последовало резкое охлаждение узбекско-американских отношений. В июле 2005 г. Узбекистан потребовал закрытия американской базы в Ханабаде, уже в ноябре 2005 г. американские военные в самом деле ее покинули.

Это не означало отказа Ташкента от лавирования между США, Россией и Китаем. Скорее узбекское руководство хотело продемонстрировать Вашингтону решимость действовать смело и находить альтернативы ориентации на США. Как бы то ни было, события середины 2000-х годов побудили Узбекистан сблизиться с Россией и КНР.

Охлаждение отношений с Ташкентом вряд ли обескуражило американскую дипломатию, хотя осложнило условия ее работы в регионе. Пытаясь компенсировать «потерю Узбекистана», США стали уделять внимание Казахстану, полагая, что эта страна может быть подходящим партнером по меньшей мере в энергетических проектах. Соединенным Штатам удалось сохранить влияние и в Душанбе. Стабильными остались американо-киргизские отношения. Во всяком случае, США сохранили базу в Кыргызстане как возможность для военного присутствия, хотя плата за аренду соответствующих объектов была намного увеличена.

Наблюдая вовлечение малых и средних стран в сотрудничество по линии ШОС, лидерами которой оставались КНР и Россия, американское руководство в 2005–2006 годах разработало новую версию региональной политики. Задачей США было заложить основу переориентации стран Центральной Азии в вопросах обеспечения безопасности на сотрудничество не с Россией и Китаем, а с государствами Южной Азии, из которых Индия и Пакистан были бы связаны союзническими отношениями с Вашингтоном. *В оперативных документах государственного департамента США страны Центральной Азии стали фигурировать как единый политический массив с южноазиатскими государствами.*

Политической основой такой американской политики должны были стать расширившиеся американо-индийские отношения и

партнерство Вашингтона с Пакистаном, хотя последнее переживало трудности в связи с хронической нестабильностью в этой стране. *Канализация интересов малых и средних стран в южном направлении, их вовлечение в военно-политическое сотрудничество с системой стратегического присутствия США в Южной Азии были призваны создать альтернативу российским и китайским проектам регионального сотрудничества.*

Несмотря на приостановку роста американского влияния в Центральной Азии в 2003–2006 годах, США продолжали поиск путей для укрепления позиций в региональной подсистеме. Но Соединенные Штаты еще не могли реально претендовать на доминирование в региональных отношениях. Поэтому объективно политика Вашингтона предоставляла центральноазиатским странам дополнительные возможности для диверсификации внешних связей и маневрирования. Но одновременно американская политика мешала формированию общерегиональных институтов экономического сотрудничества и безопасности на базе взаимодействия малых и средних стран с КНР и Россией.

В Центральной Азии возникли предпосылки конкуренции великих держав. *Стали соперничать две версии многостороннего сотрудничества. «Северная» – ориентировала на интеграцию вокруг ШОС. В принципе и при благоприятных обстоятельствах к ней могли подключиться США. «Южная» – могла теоретически опираться на механизм сотрудничества США и Индии, к которому в случае стабилизации ситуации в Афганистане и Пакистане могли бы присоединиться страны Центральной Азии.*

Региональные последствия «тюльпанной революции» в Киргизии

Вопрос о подключении США к механизмам сотрудничества ШОС в роли наблюдателя обсуждался в Соединенных Штатах в 2003–2004 годах не демонстративно, но заинтересованно. Американская дипломатия не исключала такого оборота событий. Ситуация изменилась после событий 2005 г. в Киргизии и Узбекистане.

К этому времени в либеральных кругах американских экспертов по странам бывшего Советского Союза возникло мнение о возможности «подтолкнуть» политические процессы в государствах СНГ, включая Российскую Федерацию, в русло «*либеральных революций*». Предполагалось, что таким путем будет можно отстранить от власти «остатки советской номенклатуры» и ускорить формирование в молодых государствах откровенно прозападных режимов –

по образцу тех, которые возникли в начале 1990-х годов в Польше или Чехии. Сценарии таких переворотов осуществились в Грузии (2003–2004) и на Украине (2004).

«Либеральные революции» опирались на протестные действия граждан соответствующих стран. В этом смысле они были результатами их внутреннего развития. Но западные страны через сеть разнообразных неправительственных организаций, созданных в странах СНГ в 1990-х годах на средства западных благотворителей, оказывали финансовую, организационно-информационную, методическую и иную помощь оппозиционным силам. Это давало веские основания для дискуссий о том, что «цветные революции» поощрялись и направлялись Западом.

Вслед за «оранжевой революцией» на Украине и «революцией роз» в Грузии «цветных революций» стали ожидать в Центральной Азии. Наиболее вероятным либеральный переворот казался в Киргизии. После событий весной 2002 г. в связи с передачей части киргизских пограничных территорий Китаю ситуация в Кыргызстане оставалась сложной.

Социально-экономическое положение в стране оставалось сложным. Авторитет президента А.Акаева падал – прежде всего в южных районах, Ошской и Джалалабадской областях. Пытаясь укрепить свои позиции, центральная власть попыталась отстранить от власти тех лидеров южных региональных кланов, которые выступали против правительства наиболее активно. Перестановки на государственных постах привели к концентрации контроля над государственной собственностью в руках узкого круга лиц, близких к президенту, и членов его семьи. Существовавшее прежде примерное равновесие представительства регионов в столице нарушилось.

При этом довольно либеральный по центральноазиатским стандартам политический климат Кыргызстана создавал условия для закрепления в стране при правлении А.Акаева традиции относительной свободы волеизъявления и самостоятельной активности граждан. В стране было много неправительственных организаций, существовали не подконтрольные правительству СМИ, отсутствовали репрессии против несогласных. Условия деятельности оппозиции были благоприятными. Критика действий президента стала быстро нарастать. Стали создаваться новые протестные группировки. Столица заполнилась листовками с призывами к смене власти.

Ситуация была тем более благоприятной для оппозиции, что в 2002–2003 годах была проведена конституционная реформа, ограничившая полномочия президента за счет передачи части из них парламенту. Реформы предусматривали создание в стране однопалатного парламента вместо двухпалатного, как прежде. Новый пар-

ламент должен был состоять из 75 депутатов, избираемых в одномандатных округах. Выборы по партийным спискам упразднились.

13 января 2003 г. А.Акаев объявил о проведении референдума о конституционных поправках и подтверждении полномочий президента до конца срока его пребывания у власти – то есть до декабря 2005 года. Референдум был назначен на 2 февраля 2003 года. На подготовку референдума отводилось всего три недели, что вызвало раздражение оппозиции, которая стала протестовать. Сотрудники аппарата ОБСЕ в Бишкеке по неосторожности или намеренно высказались в поддержку точки зрения оппозиционеров, которые почувствовали одобрение Запада и активизировались.

Референдум, тем не менее, был проведен. По официальным данным, в нем приняли участие 86% граждан, имевших право голоса. Из них 75,5% проголосовали за поправки и 78,7% – за подтверждение президентских полномочий А.Акаева. Оппозиция отступила, но не сдалась и стала готовиться к парламентским выборам весной 2005 года.

Оппозиционные силы попытались объединиться. В сентябре 2004 г. была создана коалиция Народное движение Кыргызстана, которую возглавил бывший премьер-министр страны К.Бакиев. В декабре 2004 г. бывший министр иностранных дел Киргизии Р.Отунбаева создала партию «Ата-Журт» («Отечество»). Эта партия и Народное движение Кыргызстана договорились о сотрудничестве. Вне коалиции оставался один из наиболее авторитетных оппозиционных лидеров Ф.Кулов, бывший вице-президент страны, приговоренный в 2001 г. к семилетнему сроку заключения по обвинению в злоупотреблении властью. Оппозиция подозревала, что президент нарушит свое обещание провести президентские выборы в октябре 2005 г. и уйти в отставку.

Поскольку новая система выборов в парламент предусматривала избрание по региональным округам, важную роль начинали играть земляческие, клановые и родственные связи кандидатов. Возросли возможности проигравших кандидатов мобилизовать земляков для протеста против результатов голосования. При этом из-за сокращения числа депутатских мест острее стала конкуренция за мандаты.

Предвыборная кампания была отмечена нарушениями: снятием с выборов оппозиционных кандидатов, подкупом избирателей, созданием препятствий для функционирования оппозиционных СМИ. 27 февраля 2005 г. состоялся первый тур выборов, прошедший без нарушений общественного порядка, но был избран только 31 из 75 депутатов, в основном лояльных А.Акаеву. Миссия ОБСЕ, подвергнув критике ход предвыборной кампании, заключила, что сами выборы оказались более справедливыми, чем в предшество-

вавшие годы. Тем не менее, оппозиция не согласилась с результатами голосования и стала создавать параллельные структуры власти на местах. 4 марта сторонники Ю.Бакиева, брата лидера оппозиции, захватили здание областной администрации в Джалал-Абаде.

Второй тур 13 марта спровоцировал на местах серию массовых протестов. Оппозиционные кандидаты перешли к мобилизации кланово-родственных цепочек. 14 марта сторонники проигравших кандидатов оппозиции захватили здания районной администрации в Узгене (Ошская область) и областной администрации в Таласе.

15 марта лидеры оппозиции создали в Джалал-Абаде Координационный совет национального единства, потребовав проведения повторных парламентских выборов и отставки Акаева. 18 марта они захватили здание областной администрации в Оше. Попытка силовых структур вернуть контроль над административными зданиями к массовым беспорядкам, нападениям на милицейские посты и полной потере правительством контроля над южными областями.

В большой степени протесты возникали стихийно: люди реагировали на тяжелую жизнь и неспособность власти добиться улучшения экономической ситуации. Но значительную роль в организации беспорядков сыграли криминальные группировки, в частности, наркоторговцы, заинтересованные в ослаблении центральной власти или в проведении в состав центральных органов власти своих негласных сторонников.

24 марта оппозиция организовала митинг в центре Бишкека, на площади Ала-Тоо, для участия в котором в столицу прибыли сторонники оппозиции из регионов. Митинг, в котором участвовали около 15 тысяч человек, перешел в штурм здания президентской администрации («Белого Дома»). Силовым структурам было приказано не применять оружия. «Белый Дом» и здание государственного телевидения были без сопротивления захвачены митингующими. В Бишкеке начались грабежи и беспорядки, инициаторами которых оказались приехавшие в столицу жители провинций. Освобожденный из тюрьмы Ф.Кулов принял на себя обязанности министра внутренних дел и смог добиться прекращения погромов.

Сторонники А.Акаева не предприняли попыток переломить ход событий. Сам президент, члены его семьи и ближайшего окружения покинули страну, не дожидаясь штурма «Белого Дома». 4 апреля А.Акаев передал в парламент заявление об отставке.

Несмотря на выдвигавшиеся ими первоначально требования повторных парламентских выборов, лидеры оппозиции признали полномочия избранного парламента, в котором сторонники свергнутого президента занимали довольно сильные позиции. Фактически только парламента в тот момент обладал конституционной леги-

тимностью. Его депутаты проявили довольно ответственности, чтобы 28 марта принять решение о назначении К.Бакиева премьер-министром и исполняющим обязанности президента. Лидеры оппозиционных движений А.Бекназаров, Р.Отунбаева, О.Текебаев заняли должности соответственно генерального прокурора, министра иностранных дел и спикера парламента. В основном, должности в новой администрации получили люди, и прежде занимавшие высокие посты во властных структурах.

В мае 2005 г. К.Бакиев и Ф.Кулов, прежний приговор которому был отменен Верховным судом, достигли договоренности о формировании коалиции. Ф.Кулов отказался от выдвижения своей кандидатуры на пост президента и заявил о поддержке К.Бакиева, который со своей стороны пообещал назначить Ф.Кулова премьер-министром. 10 июля К.Бакиев был избран президентом, получив 88,6% голосов избирателей. Коалиция К.Бакиева и Ф.Кулова воплотила договоренность о разделе власти между южными и северными кланами, из которых К.Бакиев представлял южные. Паритет между региональными группами был восстановлен, хотя на этот раз с преобладанием влияния южан.

Роль финансируемых Западом неправительственных организаций и средств массовой информации в киргизских событиях была меньшей, чем в других «цветных» революциях. В основном киргизская оппозиция не имела отношения к зарубежным спонсорам, возможно поэтому переориентации внешнеполитического курса с приходом нового руководства не произошло.

Ряд исследователей полагали, что смена власти в стране оказалась неожиданностью и для России, и для Китая, и для США. Москва и Вашингтон заняли в первые дни «тюльпанной революции» выжидательную позицию. Когда свержение А.Акаева стало фактом, Россия и США выразили готовность к сотрудничеству с новыми властями.

Китай, реагируя на события в Киргизии, закрыл границу с ней и организовал эвакуацию китайских предпринимателей с киргизской территории, чтобы защитить их от погромов. Опасения в Пекине были тем сильнее, что некоторые лидеры оппозиции были известны как организаторы протестов против передачи Китаю части киргизской территории в 2001 году.

Руководством Казахстана, Узбекистана и Таджикистана киргизские события были восприняты с тревогой. Но ни одна из стран-соседей не предложила помощи А.Акаеву, за которой, правда, он и не обращался. Для руководства некоторых стран «тюльпанная революция» послужила доказательством опасности терпимого отношения к оппозиции, которое проявлял свергнутый киргизский

президент. Выросло недоверие к местным НПО, поскольку их связи с зарубежными спонсорами давали повод видеть в них агентов иностранных государств.

Падение власти А.Акаева не привело к разрешению социально-политического кризиса в Киргизии, лишь на время снизив его остроту. Темпы роста экономики оставались медленными, криминализация бизнеса продолжалась, происходили политические убийства и коррупционные скандалы. В стране продолжались выступления недовольных, которые пытались время от времени активно протестовать, захватывая административные здания и земли. В стране сформировалась новая оппозиция, которая, как и прежняя, стала требовать новых политических реформ, отставки президента и преобразования страны из президентской республики в парламентскую.

Новую оппозицию вокруг движения «За реформы» возглавил О.Текебаев, ушедший в феврале 2006 г. в отставку с поста спикера парламента. А.Бекназаров и Р.Отунбаева тоже оставили свои посты и присоединились к оппозиции. 2 ноября 2006 г. оппозиция начала в центре Бишкека бессрочный митинг, добиваясь выполнения своих требований. 6 ноября президент Бакиев внес в парламент проект новой конституции, который и был одобрен 8 ноября. Право назначения премьер-министра и утверждения членов правительства перешло к парламенту. Полномочия президента сократились, а число депутатов парламента увеличивалось, причем половина из них должна была избираться по партийным спискам. Страна стала трансформироваться в парламентскую республику.

Новая конституция была принята поспешно и под давлением общественных протестов. В ней оказалось несколько юридически двусмысленных моментов, касавшихся отношений президента с парламентом. Последовал новый виток противостояния президента и правительства с оппозицией. Старый парламент оказался неспособным для реализации возросшего объема своих полномочий.

19 декабря 2006 г. правительство Ф.Кулова ушло в отставку. Право формировать новый кабинет должно было перейти к лидеру ведущей парламентской фракции. Но все депутаты действовавшего парламента избирались по мажоритарной системе. Не было ясно, как следовало исчислять кворум: исходя из его нормативной численности в 90 депутатов, как стало к декабрю 2005 года, или из количества в 75 депутатов, как это соответствовало закону в момент избрания парламентариев в марте.

Конституционный суд, способный дать истолкование основному закону, не был сформирован.

30 декабря 2006 г. киргизский парламент принял новые поправки в конституцию. На этот раз они были направлены на воз-

вращение президенту части полномочий, который он только что был вынужден уступить парламенту. До 2010 года президент получил право назначать премьер-министра с согласия парламента и, по представлению премьера – членов правительства. Движение «За реформы» отказалось признать эти нововведения и продолжило оппозиционную деятельность.

События 7 апреля 2010 г. и смена власти в Киргизии

Во второй половине 2000-х годов президентом К.Бакиевым и его окружением была предпринята попытка модифицировать политическую систему страны таким образом, чтобы обеспечить дальнейшую концентрацию власти и собственности в руках президента, членов его семьи и ближайшего окружения. По итогам парламентских выборов, состоявшихся в декабре 2007 года, 71 из 90 мест в парламенте (жогорку кенеше) получила президентская партия «Ак Жол». В июле 2009 г. К.Бакиев был переизбран на второй президентский срок, получив, по официальным данным, 76 % голосов при явке избирателей в 79 %.

После переизбрания окружение президента стало действовать еще решительней, причем стало заметно выдвижение на передовые позиции Максима Бакиева, младшего сына правящего президента. В октябре 2009 г. он возглавил созданное указом президента Центральное агентство по развитию, инвестициям и инновациям, в ведение которого была передана реализация инфраструктурных проектов и программ экономического развития. Компании «МГН Эссет Менеджмент», возглавляемой одним из близких сторонников М.Бакиева, был передан в управление Фонд развития Кыргызстана. В феврале 2010 г. были приватизированы и по заниженным ценам переданы в собственность членам клана Бакиева-младшего компании «Кыргызтелеком» и «Северэлектро», снабжающая электроэнергией Бишкек и северные области страны.

Сам президент К.Бакиев инициировал внесение в конституцию поправок, касавшихся процедуры передачи власти в стране в случае неспособности действующего главы государства исполнять свои обязанности. Речь шла о том, что лицо, принимающее на себя исполнение обязанностей президента, могло сохранять свои полномочия довольно долго, не проводя внеочередные президентские выборы. Этот шаг был воспринят в киргизском обществе как попытка подготовить передачу власти от К.Бакиева к его сыну без учета мнения избирателей.

Непопулярные действия правительства предпринимались на фоне и без того тяжелой экономической и социально-политической обстановки в Киргизии. Общий экономический подъем в стране, в отличие от России, Украины и Казахстана, в начале 2000-х годов так и не произошел. Население оставалось крайне бедным. Основные отрасли промышленности оставались в депрессивном состоянии. Это вынуждало население все больше полагаться на натуральное хозяйство и, соответственно, делало его крайней чувствительным к вопросам владения дефицитной плодородной землей.

При этом государственная власть была по-прежнему неэффективной. Продолжалась регионально-клановая раздробленность политической элиты. Коррупция была нормой политической и экономической жизни. Власть контролировала законодательную власть и судебную систему и оказывала давление на средства массовой информации. Последнее обстоятельство воспринималось в стране особенно болезненно, так как при прежнем президенте А.Акаеве, несмотря на его недостатки, общая политическая атмосфера в Киргизии была по центральноазиатским меркам достаточно либеральной. Во всяком случае в стране существовали возможности для легального и мирного проявления протестных настроений – которые, правда, и привели к свержению в свое время президента А.Акаева (после изгнания живет в эмиграции в России).

Внешняя политика К.Бакиева определялась более или менее осторожным лавированием между Россией, странами Запада и Китаем при сохранении в целом приоритетности отношений с Москвой. Российское руководство было не полностью удовлетворено отношениями с Киргизией, хотя и не считало правительство К.Бакиева «худшим из возможных».

В феврале 2009 г. К.Бакиев, ссылаясь на неудовлетворительные условия соответствующего соглашения с США, заявил о намерении закрыть американскую базу в Манасе. В июле она в самом деле была преобразована в Центр транзитных перевозок. Но вслед за тем между Киргизией и США было заключено новое соглашение, согласно которому американская сторона резко увеличила выплаты за использование объектов на киргизской территории. В итоге фактически никаких неблагоприятных для США изменений в части, касающейся военного присутствия в Киргизии, не произошло.

Вместе с тем, киргизская сторона затягивала, по мнению прессы, переговоры с Россией об открытии на киргизской территории второй российской базы. Были трудности и финансово-экономического порядка.

Бишкек нарушил договоренность с Москвой о передаче России, в обмене на списание части киргизского долга, 48% акций

киргизского предприятия «Дастан», на котором производились торпеды и соответствующее оборудование. В ответ Россия стала торгизовать выделение Киргизии обещанных ей в феврале 2009 г. льготных кредитов на строительство Камбаратинской ГЭС.

Толчком к взрыву антиправительственных настроений стало двукратное повышение в начале 2010 г. тарифов на электроэнергию и отопление. Если центром протестов в 2005 г. был юг страны, но в событиях 2010 г. ключевую роль играли оппозиционеры-северяне. Социально-политический протест в обоих случаях, таким образом, был явно окрашен спецификой региональных противоречий и недовольством той или иной группы регионов Киргизии распределением ключевых властных постов в столице между южанами и северянами.

С конца февраля 2010 г. начались массовые митинги протеста в г.Нарыне, на которых были выдвинуты требования отмены новых тарифов и решения ряда локальных социальных проблем. Митингующие выражали недовольство правлением президентской семьи и приватизацией предприятий электроэнергетики. В митингах приняли участие лидеры оппозиционных партий. 17 марта в Бишкеке состоялся курултай (съезд) оппозиционных сил, на котором был сформирован консультативно-координирующий орган – Центральный исполнительный комитет (ЦИК).

6 апреля в Таласе был задержан заместитель председателя оппозиционной партии «Ата-Мекен» Б.Шерниязов. Несколько сот его сторонников взяли штурмом здания областной администрации и управления милиции и добились освобождения Шерниязова. Попытка властей подавить волнения в Таласе силой закончилась провалом. Задержание в ночь с 6 на 7 апреля в Бишкеке лидеров оппозиции спровоцировало стремительное распространение мятежа на столицу страны. 7 апреля в Бишкеке толпы демонстрантов, захватившие (при пассивном отношении силовых структур) оружие, взяли штурмом здания парламента, Генеральной прокуратуры, Государственной телерадиокомпании, и, наконец, резиденцию президента и правительства.

В ходе столкновений с милицией и сотрудниками Государственной службы охраны, возглавляемой братом президента Ж.Бакиевым, в Бишкеке погибло 85 человек. Волнения сопровождалась массовыми мародерством и разграблением торговых центров, рынков, музеев, а так же погромами и захватами частных домов в пригородах столицы.

Вечером 7 апреля премьер-министр Киргизии заявил об отставке и передаче полномочий Временному правительству, созданному на основе ЦИК. К.Бакиев с семьей и ближайшим окружени-

ем покинул Бишкек и перебрался в свое родовое село Тейит (Джалал-Абадская область). Одновременно волна митингов прокатилась по областным центрам страны, где назначенные К.Бакиевым губернаторы начали слагать полномочия, уступая власть представителям оппозиции.

Временное правительство – коалицию оппозиционных политических сил – возглавила Р.Отунбаева, глава парламентской фракции социал-демократической партии, несколько раз (в том числе и непосредственно после «революции» 2005 г.) занимавшая пост министра иностранных дел страны. Ее первым заместителем стал лидер социал-демократической партии, бывший премьер-министра А.Атамбаев, заместителями – бывший председатель парламента, глава партии «Ата-Мекен» О.Текебаев, бывший генеральный прокурор А. Бекназаров, глава партии «Акшумкар» Т.Сариев.

Временное правительство объявило о роспуске парламента и Конституционного суда, упразднении Государственной службы охраны и Центрального агентства по развитию, инвестициям и инновациям, отмене приватизации «Северэлектро» и «Кыргызтелекома», введении моратория на сделки с движимым и недвижимым имуществом, приобретенным с марта 2005 г. по апрель 2010 года.

Попытка К.Бакиева организовать сопротивление новым властям на юге Киргизии, откуда он был родом, не удалась – местное население его не поддержало. 15 апреля самолет казахстанских ВВС вывез К.Бакиева с семьей в Казахстан, откуда президент отправил по факсу Временному правительству заявление о сложении с себя полномочий президента. Вслед за тем К.Бакиев перебрался в Белоруссию. Ощувив себя в безопасности он сделал заявление о том, что считает свою отставку незаконной. В то же время было сказано об отсутствии у него намерений возвращаться в Киргизию.

После государственного переворота в пригородах Бишкека начались погромы, массовые захваты земель и домов, принадлежащих русским и туркам-месхетинцам. Эти захваты сопровождались кровавыми столкновениями и убийствами. Силовым структурам только через несколько дней удалось положить конец грабежам и другим беззакониям.

Временное правительство опубликовало проект новой конституции Киргизии, предусматривающей введение парламентской формы правления. Для его обсуждения созвано Конституционное совещание, в состав которого вошли известные общественные деятели. На 27 июня 2010 г. назначен референдум по проекту нового Основного закона, на 10 октября – парламентские выборы.

Реагируя на события в Бишкеке, Казахстан и Узбекистан на несколько недель закрыли свои границы с Киргизией. И Н.Назар-

баев, и И.Каримов дали отрицательную оценку событиям в Киргизии, подчеркнув, что ситуация в Казахстане и Узбекистане принципиально отличается от киргизской в лучшую сторону. В то же время ни один из руководителей стран Центральной Азии не выразил солидарности с К.Бакиевым. Более того, соседи с Киргизией страны долгое время не желали даже предоставить К.Бакиеву самолет, на котором он бы мог покинуть страну. Китай заявил о невмешательстве в киргизские события, ограничившись выражением обеспокоенности и готовности сотрудничать с новым руководством Киргизии.

Россия реагировала на события в Киргизии со сдержанным сочувствием. Но прежде всего российскую сторону волновала судьба российских граждан и русского населения страны. 8 апреля 2010 г. состоялся телефонный разговор главы российского правительства В.Путина с Р.Отунбаевой, в ходе которого речь шла о возможной помощи новой киргизской власти. Комментируя события в Киргизии, российское руководство подчеркивало, что основная ответственность за случившееся лежит на самом С.Бакиеве. 14 апреля правительство России приняло решение об оказании Киргизии финансовой помощи и предоставлении посевных материалов для полевых работ. В то же время Москва заявила, что полноценное экономическое сотрудничество России с Киргизией возможно только после формирования новых киргизских легитимных органов власти.

США в последние месяцы правления С.Бакиева поддерживали с ним активные контакты в интересах обеспечения нормальной работы Центра транзитных перевозок. После сообщений о перевороте 7 апреля, американские представители сначала заявили о намерении продолжать работу с законным правительством. Но 8 апреля в Вашингтоне были отменены американо-киргизские межправительственные консультации, для участия в которых в США уже прибыл сын президента М.Бакиев. Американские представители заявили о том, что не расценивает смену власти в Бишкеке как переворот. 10 апреля состоялся телефонный разговор госсекретаря Х.Клинтон с Р.Отунбаевой. В этом разговоре было заявлено о намерении нового киргизского руководства придерживаться договоренностей о Центре транзитных перевозок.

14 апреля президенты США, России и Казахстана обсудили ситуацию в Киргизии в ходе встречи, состоявшейся в кулуарах проходившего в Вашингтоне саммита по ядерной безопасности. Было решено принять меры к недопущению перерастания конфликта между временным правительством и К.Бакиевым в масштабное противостояние между Севером и Югом Киргизии. Руководство России и Казахстана оказало согласованное давление на К.Бакиева и

временное правительство в целях достижения компромисса между ними. В итоге новые власти не стали препятствовать выезду К.Бакиева из страны, а тот в ответ подал официальное заявление об отставке. Ситуация в Киргизии осталась неустойчивой. Временное правительство слабо контролировало южные регионы Джалал-Абадскую и Ошскую области.

Обострение конфликта в Южной Фергане («события в Андижане»)

События в Киргизии, активное влияние на которые оказывали лидеры теневой экономики страны, в том числе связанные с наркотрафиком, индуцировали новую вспышку нестабильности в узбекской части Ферганской долины. Эта часть региона была самым густонаселенным районом Центральной Азии. Бедность и перенаселение, высокий уровень рождаемости, массовая безработица, дефицит земли и водных ресурсов обеспечивали постоянное присутствие в Фергане большого числа молодых мужчин, незанятых производительной деятельностью. Именно они в первую очередь становились участниками антиправительственных выступлений, поскольку были недовольны отсутствием возможности приложить силы на поприще законной и хорошо оплачиваемой деятельности.

Разделенность Ферганской долины государственными границами усугубляла ситуацию, вносила дополнительные трудности в жизнь людей, препятствуя торговле и перемещению людей между частями долины, принадлежащими Узбекистану, Кыргызстану и Таджикистану. Росту недовольства и обострению межэтнических противоречий способствовали экстремистские группировки и секты.

В 1989 г. по узбекской части долины прокатилась волна погромов турок-месхетинцев, переселенных в советские годы в Узбекистан из Грузии. В 1990 г. в киргизских городах Ош и Узген произошли столкновения между киргизами и узбеками. В 1991 г. узбекской религиозной группировкой «Адолат» был организован антиправительственный мятеж в Намангане.

В 1996–1998 годах в Ленинабадской области Таджикистана (позднее переименованной в Согдийскую) произошла серия антиправительственных выступлений и была предпринята попытка захвата власти военными под командованием полковника М.Худойбердыева. По национальности он был узбек, и таджикские власти подозревали, что мятеж был организован из Узбекистана с целью отделения Ленинабадской области от Таджикистана.

В августе 1999 г. на территорию Киргизии в районе города Баткена вторглись отряды Исламского движения Узбекистана, базировавшиеся в Каратегинской долине Таджикистана. Год спустя отряды ИДУ вновь вторглись в Кыргызстан и в Сурхандарьинскую область Узбекистана.

Весной 2005 г. ситуация в Ферганской долине обострилась в очередной раз. Как только стало известно о том, что киргизская часть Ферганы (Джалал-Абад, Узген и Ош) перестала подчиняться центральному киргизскому правительству в Бишкеке, наводнявшие ферганские земли религиозные экстремисты заговорили о создании единого «Ферганского халифата». В осуществление этой идеи экстремисты в узбекской части Ферганы стали планировать захват власти на местах аналогично тому, как ее захватили оппозиционеры в киргизской. Основной удар было решено нанести по Андижану, четвертому по численности населения (320 тыс. человек) городу Узбекистана в юго-восточной части долины в 40 км от узбекско-киргизской границы.

Существует несколько версий объяснения андижанских событий. По утверждениям узбекских властей, мятеж был организован исламистской группировкой «Акромия», опиравшейся на поддержку из-за рубежа. В ночь с 12 на 13 мая 2005 г. вооруженные акромисты захватили городскую тюрьму, в которой содержались по обвинению в экстремизме 23 ранее арестованных членов этой группировки.

Освободив несколько сот заключенных и используя часть из них в качестве «живого щита», мятежники попытались штурмом взять помещение областного управления Службы национальной безопасности Узбекистана. Эта попытка не удалась. Однако мятежники смогли захватить здание областной администрации.

13 мая на площади перед администрацией собралась толпа людей, возбужденных происходящим. Простые граждане плохо ориентировались в ситуации. Им было очевидно лишь то, что местная власть напугана, и ей можно предъявить требования. Среди митингующих были и сознательные противники власти, и родственники тех, кто был арестован за связи с местной наркомафией. Наконец, в толпе было много просто любопытных. Мятежники использовали толпу как прикрытие в противостоянии с правительственными силами.

Вечером 13 мая на подавление мятежа прибыли подкрепления из Ташкента. Правительственные войска вернули себе контроль над зданием администрации. Акромисты и их сторонники бежали в киргизскую часть Ферганы под прикрытие удерживавших там власть киргизских оппозиционеров. Но 14-19 мая волнения, анало-

гичные андижанским, вспыхнули в пограничном с Киргизией узбекском городе Кара-Су. Правительственные войска подавили и это выступление.

По официальным данным, в ходе андижанских событий погибло 187 человек – преимущественно мятежников и военнослужащих правительственных сил. В ноябре 2005 г. 15 организаторов андижанских беспорядков, в том числе 3 гражданина Киргизии, были приговорены Верховным судом Узбекистана к длительным срокам тюремного заключения. В октябре 2006 г. президент И.Каримов отстранил от должности губернатора Андижанской области, признав, что выступления в Андижане были связаны с тяжелыми социально-экономическими условиями жизни населения и ошибками руководителей области.

В трактовке западных комментаторов, волнения в Андижане были вызваны арестом 23 андижанских предпринимателей (а не экстремистов) на основании необоснованных обвинений. Сторонники этой версии утверждают, что эти арестованные занимались благотворительностью и поэтому местное население им симпатизировало. Западные комментаторы сомневаются в наличии связей между арестованными и «Акромией», а также в обоснованности причисления этой организации к числу экстремистских.

По этой версии городская тюрьма была захвачена родственниками и друзьями подсудимых, потерявшими надежду на правосудие. По этой логике толпа безоружных людей собралась перед областной администрацией, возмущаясь тяжелой социально-экономической ситуацией и произволом местных управленцев. Люди ожидали прибытия президента И.Каримова, надеясь на диалог с ним. Вместо этого правительственные войска неизбирательно и непропорционально применили силу против гражданского населения. Называется число убитых – от 750 до 1500 человек.

Волнения в Андижане продемонстрировали наличие в Узбекистане глубоких экономических и социально-политических проблем. Пытаясь взять ситуацию под контроль, узбекское правительство доказало способность без колебаний прибегать к силе. Андижанские события привели к обострению узбекско-американских отношений. Соединенные Штаты и страны ЕС не признали официальную версию андижанских событий, и потребовали международного расследования. Узбекистан от него отказался. Россия и Китай выразили солидарность с правительством Узбекистана и в основном поддержали его интерпретацию произошедшего.

Правительства всех центральноазиатских стран поддержали действия узбекских властей. В то же время Киргизия, следуя пожеланию Вашингтона, уклонилась от выдачи Узбекистану перебеж-

чиков из Андижана, многие из которых обвинялись в совершении уголовных преступлений, и разрешила Верховному комиссариату ООН по делам беженцев переправить их с киргизской территории в третьи страны. По этому поводу последовал протест Ташкента и охлаждение узбекско-киргизских отношений.

Политика освоения западных районов КНР и ситуация в СУАР

В 2000 г. правительство КНР приступило к реализации плана «Великого освоения Запада». Основными причинами, побудившими китайское правительство принять решение об ускоренном освоении западных провинций, явились усугубление диспропорций регионального развития Китая. Центральные и западные регионы КНР отставали от восточных и приморских. Это угрожало ростом недовольства населения отстающих частей страны. В Синьцзяне оно могло наложиться на сепаратизм местных жителей и сформировать потенциал политического взрыва. Вместе с тем, усилия центрального правительства по модернизации Синьцзяна воспринималась его неханьским населением как очередная волна китаизации.

Ситуация в СУАР никогда не была спокойной. В 1990-х годах по району прокатилась волна террористических актов. С 1990 по 2001 г. их было зарегистрировано более двухсот. Власти в Пекине надеялись, что повышение жизненного уровня населения национальных районов подорвет социальную базу сепаратизма, а приток кадров из других провинций приведет к размыванию этносоциальной базы сепаратизма.

Принятию плана «Великого освоения Запада» предшествовала кампания «сильного удара», начатая центральными властями в 1996 г. Ее целью стала борьба с сепаратизмом и религиозным экстремизмом в СУАР. Были введены ограничения на деятельность мечетей и медресе, в частности, запрещено посещение мечетей несовершеннолетними, свернуто преподавание на уйгурском языке в Синьцзянском университете. В 1997 г. власти жестко подавили массовые беспорядки в Кульдже.

Решение об освоении западных районов было принято Госсоветом КНР в январе 2000 г. План предполагалось осуществить на территории шести провинций (Сычуань, Гуйчжоу, Юньнань, Шэньси, Ганьсу, Цинхай), пяти автономных районов (Синьцзян-Уйгурского, Нинся-Хуэйского, Тибетского, Внутренней Монголии и Гуанси-Чжуанского), а также города центрального подчинения Чунцин.

Предполагалось осуществить план в три этапа. В 2001–2010 годах было решено отдавать приоритет развитию транспортной инфраструктуры и сетей связи, ирригационных систем, упорядочению сельскохозяйственного производства и промышленности, ускоренной подготовке специалистов с целью повышения качества трудовых ресурсов региона. В 2011–2030 годах имелось в виду провести модернизация промышленности, в 2031–2050 годах вывести регион к созданию современных научно-технических производств.

В феврале 2007 г. Госсовет КНР принял решение о мерах для увеличения ВВП на душу населения СУАР в два раза по сравнению с 2000 годом. Власти стремились остановить нарастание разрыва в уровнях жизни между жителями Синьцзяна и более развитыми провинциями КНР. Ставились задачи обеспечения бедных слоев населения одеждой и питанием.

В экономику западных районов было вложено 400 млрд. юаней (48 млрд. долларов). Темпы роста экономики этой части страны увеличились с 7,3% в середине 1990-х годов до 12% в середине 2000-х годов. Увеличилась протяженность автодорог. Несколько вырос уровень жизни. Однако разрыв между восточными и западными районами продолжал увеличиваться. Тем не менее, активность сепаратистов в СУАР снизилась. Это было связано с систематическими мерами жесткого давления на них и социально-экономическими преобразованиями в регионе.

В 2000 г. в Синьцзяне проживало 8,6 млн. уйгуров (45,2% населения), 2,75 млн. представителей других меньшинств (казахов, киргизов, хуэй) и 7,7 млн. этнических китайцев (ханьцев) (40,6% населения). В 1949 г. ханьцы составляли в Синьцзяне 6,7% населения, а уйгуры – 76%. Изменилось географическое распределение приезжающих. Если в середине XX века приезжие ханьцы селились преимущественно на севере СУАР, то в 2000-х годах, особенно после строительства железнодорожной ветки до Кашгара, они стали заселять южные оазисы, в которых прежде преобладали уйгуры.

Ханьцы концентрируются в городах, где уровень жизни выше, чем в сельской местности. Они преобладают среди высокооплачиваемых работников и предпринимателей, а также среди функционеров аппарата Коммунистической партии Китая. Китайское население предпочитает работать в промышленности (особенно в сфере нефтегазодобычи), на транспорте, в строительстве, сфере связи, науке и хлопковом производстве.

Основная часть уйгуров проживает в сельской местности. Около четверти из них неграмотны. Представители этнических меньшинств составляют в СУАР большинство безработных. При

этом казахи, третья по численности этническая группа региона (1,3 млн. человек), находятся в худшем экономическом положении, чем уйгуры.

В июле 2009 г. в Урумчи вновь вспыхнули столкновения между уйгурами и китайцами. Беспорядки продолжались несколько дней и были жестко подавлены правительственными войсками. По официальной информации, погибло 184 человека, в том числе 137 китайцев и 46 уйгуров. По сведениям уйгурских организаций, число жертв среди уйгуров превысило 800 человек. Пекин обвинил в организации беспорядков Всемирный конгресс уйгуров, штаб-квартира находится в Мюнхене.

Российско-китайское сотрудничество в региональных делах

Китайская и российская дипломатия уловили нарастание недоверия малых и средних стран к Вашингтону в связи с интервенциями США в Афганистане и Ираке. Обе державы попробовали использовать эту тенденцию для активизации существующих механизмов регионального сотрудничества.

После подписания в июле 2001 г. российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве Москва и Пекин оказались в довольно своеобразных отношениях, для которых было характерно сочетание политико-дипломатического партнерства, весомого элемента военно-технического сотрудничества и полускрытой конкуренции за влияние на региональную политику. Двусторонние экономические отношения были важны для обеих держав, но интересы Китая и России к хозяйственному взаимодействию друг с другом были резко асимметричны. В России продолжали дорожить возможностью экспортировать в КНР российские вооружения и некоторые виды технологий двойного применения. Российские политики не считали это потенциально опасным, хотя технологический разрыв между Россией и Китаем в 1990-х и 2000-х годах заметно сократился, а с ним – и запас российских военно-технологических преимуществ над КНР.

В Пекине экономические отношения с Россией ценили прежде всего за то, что они давали Китаю выход к главному доступному ему зарубежному источнику военно-технологических инноваций. Все экономические интересы КНР за рамками этого были связаны с желанием получать из России дешевое сырье – древесину, железную руду, а в перспективе – энергоносители за счет поставок нефти и газа с сибирских месторождений Российской Федерации.

При этом финансовые показатели экономических отношений Китая с Россией многократно уступали торгово-экономическим связям КНР с США. Россия занимала в этом смысле скромное место в системе китайских международно-экономических интересов.

Вместе с тем, Центральная Азия была регионом, в котором Россия и Китай имели совпадающие интересы, позволявшие рассчитывать на углубление сотрудничества. Используя механизм ШОС и двусторонние отношения со странами Центральной Азии, Россия и Китай стали принимать меры к недопущению политического вакуума в регионе, который могли бы заполнить Соединенные Штаты.

Москва и Пекин, уловив всплеск американо-узбекских противоречий, стали способствовать переориентации политики Узбекистана на сотрудничество с ними. Несмотря на вспышку нестабильности в Киргизии в 2005 году, отношения с ней даже после смены власти в Бишкеке остались у России и КНР конструктивными. Российское и китайское влияние по-прежнему превосходило американское в Казахстане и Таджикистане.

Россия и Китай выступали в поддержку стабильности в Центральной Азии и стремились обеспечить сохранение внутренней политической устойчивости стран региона. Такая логика их внешнеполитического поведения импонировала малым и средним странам.

Важной задачей России и Китая было избавление малых и средних стран от комплекса политической неполноценности, связанного с давлением, которое оказывали на государства Центральной Азии западные страны, критикуя их за ошибки в политическом реформировании. В глазах западного академического сообщества и политических элит стран ЕС и США центральноазиатские страны не могли и не стремились развиваться по пути демократии и тяготели к авторитарности.

Политико-психологический напор Запада на региональные государства обрекал их на положение «вечно оправдывающихся» в отношениях со странами ЕС и США. Этот «комплекс вины» облегчал западным странам получение от малых и средних стран политических и экономических уступок, в обмен на которые европейские страны и Соединенные Штаты Америки соглашались не ставить под вопрос «моральную» легитимность политических систем центральноазиатских стран.

В середине 2000-х годов «нелегитимность недемократических режимов» служила Вашингтону поводом для применения к ним «стратегии смены режимов». Эта стратегия вылилась в войны в Афганистане и Ираке, а так же кампании угроз в отношении Ирана, Северной Кореи и Ливии. Неудивительно, что центральноазиатские правительства с беспокойством воспринимали критику со

стороны Запада и с признательностью оценивали усилия Китая и России по недопущению моральной изоляции стран региона в мировой политике. Москва и Пекин открыто не критиковали страны Центральной Азии по вопросам их внутренней политики, даже когда действия некоторых стран давали основания для осуждения (Туркмения – при президенте С.Ниязове, отчасти Узбекистан).

В то же время углубление российско-китайского сотрудничества в Центральной Азии имело ограничители. Россия не без сомнений воспринимала признаки усиления военно-политической роли Китая в регионе. Москву тревожили обсуждения перспективы создания в Центральной Азии китайских военных баз. По этой причине в России настороженно относились к китайским предложениям о наращивании военной составляющей сотрудничества в рамках ШОС. Китайские представители при этом в диалоге с США представляли ситуацию таким образом, будто бы именно Россия является инициатором ускорения военно-политического сотрудничества между странами этой организации.

Москва с настороженностью отнеслась к китайской инициативе формирования зоны свободной торговли в рамках ШОС, поскольку эта идея конкурировала с перспективой создания такой зоны в ЕврАзЭС. Наконец, активность китайской дипломатии в налаживании отношений с местными странами по линии поставок из них энергоресурсов в Китай могла в перспективе означать возникновение между Россией и КНР конкуренции в сфере транспортировки нефти и газа из центральноазиатских стран в восточном направлении. Аналогичная конкуренция применительно к поставкам энергоносителей в западном направлении уже существовала между Россией, с одной стороны, и США и ЕС, с другой. Повторения такого опыта в Москве не хотели.

Многостороннее взаимодействие по линии ШОС

Перенос центра внешнеполитической активности США на Ближний Восток после начала войны в Ираке отвлекло внимание американской дипломатии от Центральной Азии. В то же время пример Вашингтона, произвольно прибегавшего к военной силе в разных точках планеты, индуцировал желание других стран проверить свою готовность на случай возникновения региональных конфликтов. Китаю было важно провести демонстрацию силы и оказать устрашающее воздействие на уйгурских сепаратистов. Сходные мотивы существовали у Узбекистана, Киргизии и Таджикистана. России и Казахстану было в принципе желательно понять, каков был уро-

вень готовности государств-партнеров к ведению совместных боевых действий в регионе, если положение дел того потребует. В августе 2003 г. в Казахстане и Китае впервые прошли антитеррористические учения стран ШОС, впоследствии ставшие регулярными.

На встрече глав правительств стран ШОС осенью 2003 г. была принята Долгосрочная программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества. Она была рассчитана до 2020 г. и предусматривала создание в перспективе благоприятных условий для свободного движения товаров, капиталов, технологий и услуг. В январе 2004 г. в Пекине был открыт секретариат ШОС.

Стал возрастать интерес к этой организации со стороны азиатских государств. В 2004 г. на саммите ШОС в качестве гостя присутствовал президент Афганистана Х. Карзай. В 2004 г. статус наблюдателя в ней получила Монголия. В 2005 г. за ней последовали Индия, Пакистан и Иран. В том же году была создана контактная группа по вопросам сотрудничества ШОС с Афганистаном. Обсуждался в ШОС и вопрос о предоставлении статуса наблюдателя Соединенным Штатам. Но на фоне полемики по поводу причастности американских граждан к «цветным революциям» в СНГ шансы положительного решения этого вопроса были ничтожными.

Активность американских неправительственных организаций в регионе раздражали местные страны. Выражением подобных настроений было принятие в июне 2005 г. на встрече лидеров ШОС резолюции, в которой содержалось адресованное Соединенным Штатам предложение «определиться с конечными сроками временного использования... объектов инфраструктуры и пребывания военных контингентов на территории стран-членов ШОС».

В Вашингтоне на этот демарш реагировали холодно. Американские представители сослались на то обстоятельство, что вопросы о базах относятся к сфере двусторонних отношений США с каждой из стран региона в отдельности и будут решаться соответственно. Тогда в июле 2005 г. правительство Узбекистана и приняло решение о закрытии американской базы в Ханабаде. Правда, Киргизия заняла в вопросе об американском военном присутствии более гибкую позицию.

ШОС постепенно стала занимать положение основной организации многостороннего сотрудничества в регионе. Ее деятельность охватила сферы безопасности, экономического сотрудничества, транспорта и гуманитарного взаимодействия. Вместе с тем, ШОС не имеет военной организации. Сотрудничество ее членов в вопросах безопасности (включая учения) развивается в ограниченных масштабах. Сил быстрого реагирования или иных постоянных многосторонних контингентов ШОС не имеет.

Китай развивает с некоторыми странами двустороннее военно-политическое сотрудничество. В 2002 г. прошли китайско-киргизские антитеррористические учения. В прессе даже фигурировали сообщения о намерении КНР создать военную базу на киргизской территории. Китай сотрудничает со странами региона в подготовке военных кадров, военно-технической сфере и обмене разведывательной информацией.

С 2003 г. начало развиваться военно-политическое сотрудничество местных стран (прежде всего Таджикистана и Узбекистана) с Индией. В августе 2003 г. в Таджикистане прошли первые совместные индийско-таджикские военные учения. Все государства региона участвуют в программе НАТО «Партнерство ради мира», а Казахстан в январе 2006 г. подписал с НАТО отдельный План действий по развитию партнерства.

В целом, военно-политическое сотрудничество стран региона осуществляется одновременно в рамках структур ОДКБ, ШОС, НАТО, а также формирующейся сети двусторонних связей с Россией, Китаем, США и Индией. В военно-политическом сотрудничестве малых и средних стран продолжает доминировать Россия. Но происходит диверсификации механизмов сотрудничества местных стран. *Только Туркменистан сохраняет приверженность принципу самостоятельного обеспечения безопасности.*

Отношения с Россией в системе международных приоритетов малых и средних стран

Отношения центральноазиатских стран с Россией отличаются изменчивым и противоречивым сочетанием центростремительных и центробежных тенденций. Основу первых составляют унаследованные с советских времен экономические и гуманитарные связи, транспортная сеть и отчасти совпадающие интересы в сфере региональной безопасности. Возвратному росту интереса к России способствовало восстановление и расширение возможностей российской экономики в середине 2000-х годов.

Центробежные тенденции питаются стремлением малых и средних стран к диверсификации внешнеэкономических связей, желанием уменьшить зависимость от России, особенно, если свертывание сотрудничества с ней может быть компенсировано расширением связей с США и ЕС.

В *российско-казахстанских* отношениях продолжала преобладать тенденция к развитию союза. Казахстан остался ключевым военно-политическим партнером России, менее мощным, чем Китай,

но и гораздо более близким в смысле сходства интересов безопасности и видения международных реалий.

В Москве с трудом привыкали к мысли о непродуктивности характерной для 1990-х годов концентрации внимания на попытках сотрудничества с Украиной и недооценки перспектив интеграции с Казахстаном. Российское руководство не сразу стало понимать, что казахстанская дипломатия была не склонна фокусировать внимание только на отношениях с Россией. Лишь постепенно стала вырабатываться формула российско-казахстанских отношений, в которой приоритет двустороннего сотрудничества относительно безболезненно совмещался с ориентацией Казахстана на выборочную и, как правило, в целом согласуемую с Москвой диверсификацию системы международных партнерств, в том числе в сфере транспортировки энергоносителей. Идея геополитической уникальности союза России с Казахстаном приживалась в российской культурно-политической среде медленно.

В декабре 2004 г. был заключен Договор о делимитации российско-казахстанской границы. Углублялось межгосударственное экономическое сотрудничество, включающее элементы экономической интеграции. Россия укрепила свои позиции как ведущий внешнеторговый партнер Казахстана. Причем 70% внешнеторгового оборота приходилось на прямые приграничные связи российских и казахстанских регионов. Российские инвестиции в Казахстане достигли 1,3 млрд. долларов (из примерно 30 млрд. накопленных иностранных инвестиций), уступая казахстанским инвестициям в России – 2,2 млрд. долларов.

Две страны продолжили сотрудничать в нефтегазодобыче, и экспорт основных объемов казахстанской нефти и газа осуществлялся через российскую территорию. В той мере, как российский капитал участвует в энергетических проектах в Казахстане, в них поддерживается равное долевое участие российских и казахстанских компаний.

Но одновременно казахстанское правительство принимало меры для сохранения за западными энергетическими компаниями преобладающих позиций в сфере нефте- и газодобычи в Казахстане, не позволяя российским корпорациям рассчитывать на контроль. Казахстанская сторона ссылалась на недостаточную пропускную способность российских трубопроводов и работала над освоением дополнительных маршрутов экспорта нефти – в обход российской территории.

Не ставя под сомнение союз с Москвой, Астана успешно добивалась более выгодных для нее условий сотрудничества с Россией. Казахстан настоял на пересмотре условий взаимодействия в области

освоения космоса, добившись создания ракетно-космического комплекса «Байтерек», принадлежащего сторонам в равных долях.

Кыргызстан, как отмечалось, сохранил преимущественную ориентацию на Россию и после событий 2005 года. Для Бишкека сотрудничество с Москвой – важнейший инструмент обеспечения национальной безопасности. Одновременно – это средство расширения простора для политического маневра Киргизии в отношениях с более крупными и сильными соседями – Китаем, Узбекистаном и Казахстаном.

В Кыргызстане существует российская военная база в Манасе, с которой непосредственно соседствует американская база ВВС. Крупнейшие российские корпорации РАО ЕЭС и «Газпром» осуществили и отчасти продолжают осуществлять инвестиционные проекты. Россия – крупнейший торговый партнер Кыргызстана.

Для киргизской интеллигенции исходно было характерно наличие нейтралистских настроений, которые периодически давали о себе знать в сфере официальной внешней политики. В 1997 г. (еще до ядерных испытаний в Индии и Пакистане) Бишкек выступил с инициативой создания безъядерной зоны в Центральной Азии. Эта идея некоторое время обсуждалась, но она не была реализована в значительной мере потому, что вызывала настороженное отношение в Москве и Пекине.

Особенностью международных связей Киргизии в первой половине 2000-х годов было заметное сближение с КНР. В Пекине оценили готовность Бишкека пойти на территориальные уступки Китаю. Китайское руководство было готово увидеть в Киргизии привилегированного регионального партнера в сфере безопасности. Наличие общей границы могло служить в этом смысле серьезной предпосылкой. Как отмечалось выше, КНР и Киргизия независимы от других стран стали проводить совместные учения, что выглядело как символ близости их военно-политических приоритетов.

В СМИ дебатировался вопрос о желании КНР приобрести военную базу на киргизской земле. С точки зрения Китая ее создание могло не только способствовать укреплению позиций киргизского правительства в отношении внутренней оппозиции, но стать противовесом проекту создания в Таджикистане военной базы Индии (см. ниже).

Во время событий в Киргизии и Узбекистане в 2005 г. в Пекине на уровне СМИ и экспертов обсуждался вопрос о возможности, например, оказания правительству Киргизии помощи посредством посылки китайского воинского контингента или ограниченной группировки войск нескольких стран ШОС. Возможно, это и побудило новое руководство страны настороженно отнестись к дальней-

пешему сближению с КНР за рамками многостороннего сотрудничества с участием России.

Окончанию гражданской войны в *Таджикистане*, помимо дипломатических усилий многих стран, способствовала военная помощь России и Узбекистана, оказанная таджикскому правительству. Это определило интерес Душанбе к поддержанию дружеских отношений с Москвой и Ташкентом. Но отношения с Узбекистаном развивались у Таджикистана сложно из-за отсутствия у таджикского коалиционного правительства возможности и воли уничтожить узбекских боевиков на таджикской территории. Правительству Таджикистана приходилось лавировать для удержания отношения с Ташкентом у конструктивного русла.

Не менее сложно строились отношения Душанбе с Афганистаном. Таджикское правительство не могло игнорировать события в соседней стране, значительную часть населения которой составляли этнические таджики. Таджикистан не хотел вмешиваться в афганские распри, но был вынужден время от времени оказывать поддержку афганским таджикам. Президент Э.Рахмонов опасался собственной таджикской оппозиции и не желал ее усиления за счет объединения с радикалами из среды афганских таджиков. Президенту было нужно, чтобы афганские таджики не вмешивались во внутренние дела Таджикистана. Ради этого он был готов оказывать им помощь, понимая, что в случае их военного разгрома талибами, беженцы из Афганистана (как бывало) затопят Таджикистан и взорвут неустойчивую стабильность в стране.

Поскольку после 2001 г. ситуация в Афганистане зависела от взаимопонимания между оккупационными силами США в этой стране, правительством Х.Карзая и лидерами таджикско-узбекского Северного альянса, президент Э.Рахмонов был вынужден маневрировать между ними. Отношения с США имели для Таджикистана военно-политическое значение в мере не одинаковой, но сопоставимой с той важностью, которую имело для него сотрудничество с Россией и Узбекистаном.

На политику Душанбе с начала 2000-х годов стала оказывать некоторое влияние Индия. Для этого имелись причины. Происходило сближение Индии с США, и индийская дипломатия в некоторой мере могла играть в региональной политике роль естественно-ограничителя влияния Пакистана, которого стали считать источником поддержки афганским талибам. Партнерство с Дели могло быть одним из вспомогательных инструментов сдерживания талибов, которых в Индии были склонны считать пакистанскими ставленниками. Появление проекта создания индийской базы на земле Таджикистана отражало такие настроения.

Наконец, в Душанбе не могли позволить себе напряженность в отношениях с Ираном, который пользовался влиянием в западных частях Афганистана и воздействовал на положение в приграничном с Таджикистаном северном Афганистане. Таджикиское руководство уклонялось от осуждений иранской политики и в этом смысле отказывалось идти навстречу пожеланиям США.

Около пяти лет Россия и Таджикистан обсуждали вопрос о преобразовании 201-й российской мотострелковой дивизии на таджикской территории (ее части оказывали помощь Э.Рахмонову во время гражданской войны) в военную базу. Этот вопрос был разрешен в духе пожеланий Москвы в 2004 году. Одновременно, правда, из Таджикистана были выведены российские пограничные войска, а охраной таджикско-афганской границы занялись таджикские военные. В результате этих изменений ситуация стала менее прозрачной в вопросах проницаемости этой границы для перемещений отдельных лиц или групп, включая вооруженные, и международного наркотрафика.

Российские компании стремились расширить экономическое присутствие в стране. Россия осталась крупнейшим торговым партнером Таджикистана. В стране стали осуществляться инвестиционные проекты российских компаний, связанные со строительством объектов гидроэнергетики и алюминиевой промышленности.

Важную роль в российско-таджикских отношениях заняли вопросы трудовой миграции. Спасаясь от безработицы, массы таджиков, в основном неквалифицированных, направились в крупные города России, где они составили кадровое ядро строительных отраслей и сферы обслуживания городского хозяйства. Отток безработной массы населения способствовал стабилизации ситуации в Таджикистане. Большую роль для налаживания жизни в стране стали играть денежные переводы, которые стали поступать в Таджикистан от таджиков, уехавших на работу в Россию. Вопросы обеспечения социально-экономических и гуманитарных прав таджикских граждан в России занял важное место в двусторонних отношениях.

Наиболее сложным аспектом взаимодействия со странами Центральной Азии были для Москвы в 2000-х годах отношения с *Узбекистаном*. Важнейшее стратегическое положение этой страны, ее геополитический и геоэкономический потенциал давали основание считать Узбекистан одним из региональных лидеров. С ним у России могли складываться союзнические отношения. Но с ним можно было развивать сотрудничество и на основе принципов добрососедства, мирного сосуществования и избирательного взаимодействия. Российская дипломатия была готова к обоим вариантам.

Проблемой была неустойчивость политических ориентаций Узбекистана, его метание между демонстративным стремлением

стать в регионе главным партнером США и нарочитыми поворотами к признанию важности союзничества с Россией. В итоге, перспективы отношений с Ташкентом воспринимались с настороженностью и в Москве, и в Вашингтоне. Возможно, в этом и состоял расчет узбекской дипломатии, руководители которой просто желали приучить лидеров всех стран мира к тому, что *главным и универсальным приоритетом Узбекистана в мировой политике является сохранение свободы действий, а не партнерство или интеграция с какой-либо одной страной или группой государств.*

Узбекистан никогда не заявлял о стремлении к нейтралитету или неприсоединению. Его политику с момента приобретения независимости можно было назвать линией «неустойчивого присоединения». Лидеры неприсоединения принципиально отвергали *идею военных союзов с великими державами.* В отличие от них, руководители Узбекистана такую идею не отвергали. Смысл их политики состоял в утверждении принципиального права *свободно и часто заключать союзы, столь же регулярно меняя союзников и избегая устойчивой привязки к любому из них.*

После охлаждения отношений с Вашингтоном в 2005 г. Узбекистан стал терпимее относиться к интеграционным проектам с участием России. В 2006 г. он присоединился к Евразийскому экономическому сообществу и «Газпром» и «Лукойл» заключили с узбекскими партнерами крупные контракты на разработку газовых месторождений.

В июне 2004 г. Узбекистан подписал с Россией Договор о стратегическом партнерстве, а в ноябре 2005 г. – Договор о союзнических отношениях. Первый документ предусматривал проведение «по взаимному согласию» консультаций в случае возникновения ситуации, «способной негативно отразиться на обоюдных интересах безопасности или интересах безопасности одной из сторон». Было согласовано не допускать использования территории каждой из двух стран третьими силами в ущерб суверенитету, безопасности и территориальной целостности страны-партнера. Предусматривалась возможность в необходимых случаях и на основе отдельных соглашений, предоставлять друг другу право использования военными объектами на своей территории.

Договор о союзнических отношениях содержал гораздо более сильные формулировки. В нем повторялась «натовская» формула – акт агрессии против одной из сторон страны обязались рассматривать как нападение на них самих. В тексте договора было подтверждено обязательство о возможности взаимного использования Россией и Узбекистаном имеющейся у каждой стороны военной инфраструктуры.

В целом сложно сказать точно, насколько устойчивой может быть линия узбекского руководства на сотрудничество с Москвой. Не менее трудно оценить и потенциал, которым может обладать Узбекистан для политики лавирования между Россией, Западом и Китаем.

Внешняя политика *Туркменистана* при всей ее необычности на фоне ориентаций других стран региона была довольно последовательной. С начала 1990-х годов страна следовала политике нейтралитета и игнорировала региональные интеграционные инициативы. Ашхабад поддерживал ровные отношения со всеми окружающими странами и не притворялся сторонником ни одной из них. В центре внимания президента С.Ниязова были вопросы внутренней политики – возвеличение туркменского национального духа и завершение сложнейшего процесса формирования современной туркменской нации на основе сплава идентичности не разложившейся идентичности туркменских племен и их региональных союзов.

Не претендуя на репутацию демократа, С.Ниязов вложил существенные по туркменским масштабам средства и энергию в создание символов национального единства туркмен, консолидацию их этнического своеобразия. Эта группа задач была для Туркмении более важной, чем для любой иной страны региона, поскольку исторически именно земли туркменских кочевников были самой отсталой частью Центральной Азии. Процесс этнонационального структурирования населения туркменских оазисов отставал от тех процессов, которые (отчасти под влиянием России, Китая, Индии и западных держав) по разным причинам протекали в других частях региона скорее.

Режим С.Ниязова был одним из наиболее авторитарных. Из его недр родился по-восточному своеобразный культ личности Туркменбаши, утверждение которого сопровождалось репрессиями против политических противников президента и инакомыслия вообще. В такой ситуации русские граждане Туркмении «мешали» президентской власти, поскольку они были носителями более плюралистичной и либеральной культуры, чем коренные этнические группы. Избегая откровенных репрессий против русских, туркменское правительство, во время правления С.Ниязова фактически принимало меры к их вытеснению из страны и превращения Туркменистана в моноэтническое государство.

Президент С.Ниязов умер в декабре 2006 года. Новое руководство стало осторожно отходить от наиболее одиозных постулатов прежнего правления, в первую очередь демонтировав культ личности Туркменбаши. Внешняя политика не претерпела резких изменений. Приверженность нейтралитету сохранилась. Формально участвуя в работе СНГ много лет, Туркмения никогда не принимала на себя обязательств сотрудничать в его рамках. Убедившись

еще в 1990-х годах в отсутствии у России намерения «реинтегрировать» страны СНГ силой, в Туркмении привыкли рассматривать Содружество исключительно как платформу информационного обмена и диалога. Узаконивая такую практику, в августе 2005 г. Туркменистан официально попросил понизить статус своего участия в СНГ до ассоциированного членства. Полностью отказываться от участия в Содружестве в Ашхабаде не стали.

Туркменистан зависит от российских трубопроводов, по которым он поставляет свой природный газ не только российским потребителям, но и странам к западу от России – в частности, Украине. При этом российским компаниям выгодно скупать туркменский газ не только для внутреннего потребления в России, но и для реэкспорта в третьи страны. Поскольку себестоимость добычи туркменского газа ниже цен на это топливо на рынках зарубежной Европы, то российские корпорации получают от реэкспорта туркменского газа большие прибыли.

Попытки Туркменистана найти маршруты экспорта в южном направлении – к побережью Индийского океана через Иран, Афганистан и Пакистан в 2000-х годах дали ограниченные результаты. Более успешным был проект строительства трубопровода из Туркмении в Китай.

Его сооружение в декабре 2009 г. стало заметной победой туркменской «энергосырьевой дипломатии». Ашхабад время от времени высказывается в поддержку планов ЕС создать новый коридор поставок газа западным потребителям через газопровод «Набукко», в который должны «вливаться» газовые потоки из нескольких стран¹⁰. Но конкретных обязательств экспортировать сырье по этому газопроводу Туркменистан не принял.

Подходы к оценке экономического развития новых независимых стран Центральной Азии

Для экономического развития стран Центральной Азии до кризиса 2008–2009 годов были характерны высокие темпы роста ВВП, умеренная инфляция и некоторое сокращение бедности. Однако между государствами сохранялись различия в качестве экономического роста, типе организации экономики и структуре занятости.

¹⁰ Газопровод «Набукко» должен пройти от Эрзерума (Турция) до Баумгартена (Австрия) через территории Болгарии, Румынии и Венгрии. Его строительство, согласно подписанному в июле 2009 г. межправительственному соглашению, должно быть завершено в 2014 году.

Рыночные экономические реформы, проводившиеся в той или иной степени по рекомендациям западных экспертов дали противоречивые результаты. Приватизация оправдала себя в отраслях, развитие которых гарантировало частным инвесторам высокие прибыли и скорую окупаемость. Таких отраслей было не много – разработка и экспорт энергоносителей, добыча редких и драгоценных металлов, производство и экспорт гидроэлектроэнергии, выплавка алюминия. Но эти отрасли были развиты не во всех странах. Не в каждой стране прибыльные отрасли были настолько массивными, чтобы обеспечить трудоустройство основной массы работоспособного населения.

В рыночных условиях приватизация не могла обеспечить нормального функционирования производства сельскохозяйственной продукции – от хлопка и риса до овощей, фруктов и бахчевых. Рынок населения стран региона к нелегальному производству наркотиков (опиумного мака и ананши) был естественной реакцией на осознание нерентабельности «легальных» сельскохозяйственных культур в отсутствие государственной поддержки. Именно отказ от нее дал толчок наркоэкономике.

Приватизация не могла позволить сохранить и сделать конкурентоспособными отрасли обрабатывающей промышленности – прежде всего, машиностроение. Соответственно, те части государств Центральной Азии, которые в советские годы относились к «промышленному поясу» и отличались более высоким уровнем развития, после приватизации оказались в глубокой депрессии. Последовали вынужденные миграции по линии выезда за рубеж и каналам перетока в те немногие отрасли, которые оказались способными нормально развиваться.

Приватизация была мощным средством перераспределения национального богатства между разными группировками национальных элит. Во всех странах Центральной Азии, как и в России, она была проведена форсированными темпами. Организаторы приватизации опасались, что детальная проработка ее последствий может привести к отказу власти от рыночных преобразований.

В 2000-х годах *Казахстан* благодаря созданию при западной помощи эффективного сектора нефтедобычи превратился в «нормальную нефтяную страну». Темпы роста в середине десятилетия составили 10%. По показателям ВВП и размера ВВП на душу населения (8,2 тыс. долларов в год) страна стала занимать лидирующие позиции в регионе. Нефтедобывающие предприятия остались в собственности государства, но была проведена приватизация малых и средних предприятий. В 2003 г. была введена частная собственность на землю, включая земли сельскохозяйственного назначения.

Для накопления налогов от экспорта энергоресурсов с учетом вероятности падения нефтяных доходов был создан Национальный фонд. Казахстан поощрял деятельность иностранных инвесторов в нефтегазодобывающей сфере, но внимательно следил за ними, защищая интересы национальных компаний. Хотя в Казахстане менее остро, чем в других странах региона, проявлялась проблема бедности, за чертой бедности во второй половине 2000-х годов проживало 19% населения.

Кыргызстан при проведении реформ выделялся наиболее последовательным выполнением рекомендаций международных финансовых институтов. В стране прошла наиболее масштабная приватизация и была проведена радикальная сельскохозяйственная реформа. В частном секторе оказалось сосредоточено 60% работающих, силами которых производилось 85% ВВП страны. Наиболее успешным проектом приватизации в промышленности оказалось совместное киргизско-канадское предприятие по разработке золотосодержащего месторождения Кумтор. В то же время в стране так и не удалось запустить промышленные предприятия, построенные в годы СССР. Сектор обрабатывающей промышленности перестал существовать. Вместе с отсутствием конкурентоспособного сельхозпроизводства это обусловило в целом тяжелое экономическое положение. В Кыргызстане даже по официальным данным за чертой бедности в конце 2000-х годов проживало 40% граждан. Бедное население концентрируется прежде всего в киргизской части Ферганской долины. В структуре киргизского экспорта преобладают золото (40%), ртуть, уран, продукция легкой промышленности, хлопок и табак. Страна импортирует нефть и газ, машины и оборудование и даже продукты питания.

Таджикистан остается беднейшей страной региона. Доля ВВП на душу населения составляет около 1,2 тыс. долларов в год. До кризиса экономика росла в среднем на 9,4% в год. 67,2% населения Таджикистана занято в сельском хозяйстве, основное назначения которого фактически состоит в том, чтобы прокормить тех, кто в нем занят. За чертой бедности в стране проживает 64% граждан.

Почти половину доходов страны от экспорта обеспечивает единственное крупное государственное предприятие – Таджикский алюминиевый завод (ТадАЗ). Экономика Таджикистана поддерживается денежными переводами от трудовых мигрантов преимущественно из России. В такой ситуации вряд ли удивительно, что немалая часть населения живет на нелегальные доходы от наркотрафика. Правительство стремится привлечь иностранные инвестиции к развитию гидроэнергетики, алюминиевого производства, транспортной инфраструктуры.

Кроме алюминия, Таджикистан экспортирует электроэнергию, хлопок и фрукты. В структуре импорта преобладают электроэнергия, нефть и газ, бокситы и глинозем – сырье для производства алюминия.

Туркменистан по официальной статистике развивался в 2000-х годах (до кризиса) при темпах роста более 20% в год. Правда, по оценкам международных экспертов, экономический рост не превышал 4%. Доля ВВП на душу населения составляла 8 тыс. долларов в год за счет высокого уровня расходов на государственные программы в сфере культуры и здравоохранения. Население бесплатно получает газ, электроэнергию, воду, соль и мало тратит на оплату коммунальных услуг. В сельском хозяйстве занято 48,2% населения, 13,8% – работают в промышленности. По официальным данным, за чертой бедности живет всего 1% населения, а по данным Европейского банка реконструкции и развития – 58%.

Государство контролирует экономику. Законодательство не предусматривает возможности приватизации нефтяных и газовых месторождений. Торговля хлопком также находится полностью под контролем государства. Действуют жесткие валютные и экспортные ограничения. Туркменистан экспортирует природный газ, нефть и нефтепродукты и хлопок.

Государственное регулирование преобладает и в экономике Узбекистана. Сохраняются система государственных закупок хлопка и зерна и государственный контроль над внешнеэкономической деятельностью и валютными операциями. ВВП на душу населения составляет 1,8 долларов в год. В докризисный период темпы роста экономики колебались от 4 до 7%. В сельском хозяйстве занято 44% населения, в промышленности – 20%.

Узбекистан не стал проводить радикальных рыночных реформ и сохранил разветвленную систему социальной защиты населения. Благодаря этому в стране отсутствует бедность в масштабах, характерных для Таджикистана и Киргизии. За чертой бедности живут 27,5% населения. Страна экспортирует хлопок (второе место в мире), золото, газ и минеральные удобрения.

Разрывы в уровнях развития определяют низкую заинтересованность стран-соседей в торговле друг с другом. Ни одна из стран Центральной Азии, например, не входит в круг приоритетных партнеров Казахстана. Во внешнеторговом обороте Узбекистана доля самого Казахстана составляет 5%, а Таджикистана – 3%. Некоторое исключение составляет только Таджикистан, 21% и 7% внешнеторгового оборота которого приходится на Узбекистан и Казахстан.

«Гидрополитическое оружие» в отношениях между странами региона

Важнейшей проблемой отношений в Центральной Азии является согласование условий водопользования, прежде всего – раздел стока трансграничных рек. Более половины территории государств региона приходится на пустыни, полупустыни и засушливые степи. Вода – главный фактор производства в сельском хозяйстве, в котором занята основная доля населения Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана.

Основным источником воды являются реки. Ресурсы подземных вод ограничены и слабо разработаны. Речные ресурсы распределены неравномерно. В Кыргызстане и Таджикистане доля речного стока, образуемого на собственных территориях, составляет соответственно 99% и 60%. В Казахстане, Узбекистане и Туркменистане – 47%, 12% и 0,7%. При этом в горных районах Кыргызстана и Таджикистана формируется 80% водных ресурсов региона.

Давление на водную систему Центральной Азии усиливается по мере расширения площади орошаемых земель. В 1995–2000 годах этот показатель возрос на 7%. Правительства планируют дальнейшее увеличение производства хлопка, который является одним из главных источников экспортных доходов. Низкой остается эффективность использования водных ресурсов: до половины воды, предназначенной для орошения, теряется вследствие испарения и фильтрации.

Река Сырдарья с годовым стоком около 37 куб. км формируется на севере Кыргызстана, затем протекает через Узбекистан и южный Казахстан (пересекая на пути северную часть Таджикистана) и впадает в северную часть Аральского моря. В 1998 г. Кыргызстан, Казахстан и Узбекистан подписали соглашение, по которому в обмен на воду Узбекистан обязывался поставлять в Кыргызстан природный газ, а Казахстан – уголь и мазут.

Соглашение, однако, часто нарушается всеми сторонами. Время от времени возникают перебои с поставками энергоносителей Кыргызстану. Но и киргизское правительство, не имея гарантий поставок энергоресурсов, периодически начинает использовать Токтогульское водохранилище на реке Нарын, притоке Сыр-Дарьи, в энергетическом, а не ирригационном режиме. Это означает, что зимой производится сброс вод водохранилища. Это вызывает разрушение дамб и затопление сельскохозяйственных угодий в Узбекистане и дефицит воды, необходимой для орошения, летом.

В июне 2001 г. киргизский парламент принял закон, предусматривающий взимание оплаты со стран, пользующихся киргизски-

ми водными ресурсами. Согласно этому документу правительство Киргизии должно было требовать от стран-потребителей воды участия в финансировании киргизских водотехнических сооружений. Закон был с раздражением воспринят в Узбекистане и Казахстане. Впоследствии Бишкек смягчил первоначальную позицию, ограничившись требованием платы от стран, расположенных ниже по течению рек, проходящих через киргизские территории, только за воду, проходящую через киргизские водохранилища и каналы. В марте 2002 г. Узбекистан на основании соглашения с Киргизией принял на себя обязательство покрывать часть расходов по эксплуатации Токтогульского водохранилища в обмен на гарантию снабжения водой в ирригационный период.

Река Амударья с годовым стоком около 75 куб. км протекает по таджикско-афганской и узбекско-афганской границе, затем по территории Туркменистана, туркмено-узбекской границе, северо-западному Узбекистану и впадает в Аральское море. Сток Амударьи формируется в Таджикистане (80%) и частично в северном Афганистане.

Квота Таджикистана на забор стока Амударьи составляет 12%. Душанбе, намереваясь увеличить выпуск сельскохозяйственной продукции, настаивает на увеличении лимита водозабора, который он, по утверждениям Узбекистана, уже превышает. В планы Душанбе входит завершение строительства Рогунской ГЭС, что позволит Таджикистану практически полностью регулировать сток Амударьи. Этому проекту противится Ташкент. Несовпадение интересов в сфере водопользования является одним из факторов напряженности в таджикско-узбекских отношениях.

Афганистан по условиям советско-афганского соглашения 1946 г. имеет право на забор 9 куб. км воды в год (50% стока) из Пянджа, основного притока Амударьи. В настоящее время Афганистан использует около 2 куб. км стока Пянджа, но в случае восстановления мирной жизни в стране водозабор может возрасти. Это ухудшит ситуацию с водопользованием в Узбекистане и Туркменистане.

Водная проблема хронически осложняет узбекско-туркменские отношения. Согласно подписанному в 1996 г. соглашению, страны имеют равные лимиты водозабора – по 22 куб. км в год. Однако узбекские должностные лица нередко обвиняют Туркменистан в превышении лимитов. В октябре 2000 г. Туркменистан начал работы по созданию искусственного озера в Каракумах. Ашхабад, правда, утверждает, что в Озеро Золотого Века будут стекаться дренажные воды, и его сооружение не потребует дополнительного забора из Амударьи. Узбекские эксперты, напротив, полагают, что озеро не сможет существовать без вод Амударьи. Планы Ашхабада

по увеличению площади орошаемых земель могут тоже неблагоприятно сказаться на водоснабжении Узбекистана.

Проблемы распределения водных ресурсов осложняют и внутривнутриполитическую ситуацию в странах региона, обостряя отношения между областями и районами, вызывая конфликты между жителями соседних населенных пунктов. Подсчитано, что две трети областей центральноазиатских стран получают не менее половины воды извне. В Узбекистане области, расположенные выше по течению Амударьи – Сурхандарьинская, Навойская и Бухарская – выбирают 50–60% лимитов водозабора, тогда как лежащие ниже по течению Хорезмская область и Каракалпакия – только 7–8%.

Взаимодействуя в сфере водопользования, центральноазиатские государства не смогли выработать согласованный подход к управлению водным хозяйством региона как единым комплексом. В феврале 1992 г. в Алма-Ате было подписано пятистороннее соглашение о сотрудничестве в управлении использованием и охраной водных ресурсов из межгосударственных источников, согласно которому сохранялись лимиты водозабора, действовавшие до распада Советского Союза. Была учреждена Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия (МКВК), принимающая решения консенсусом, и ее исполнительные органы – Бассейновые водохозяйственные организации (БВО) «Амударья» и «Сырдарья». В 1993 г. страны региона создали Международный фонд спасения Арала, который предполагалось формировать за счет вступительных взносов и ежегодных отчислений государств-участников в размере 0,3% ВВП.

Деятельность МКВК, сфокусированная на распределении квот и не учитывающая другие обстоятельства, не предотвратила конфликты вокруг водопользования. Преобладание граждан Узбекистана в БВО и расположение МКВК и обеих БВО на узбекской территории дало основания другим странам подозревать эти структуры в предвзятости. Только Узбекистан и Туркменистан в полном объеме вносили платежи в бюджет МКВК. Фонд спасения Арала из-за хронического недофинансирования прекратил работу. В 1997 г. Казахстан закончил строительство дамбы, разделившей Аральское море на два водоема. Западная, узбекская, часть моря оказалась отсеченной от стока Сырдарьи и продолжила усыхать, а уровень воды в восточной, казахстанской, части начал подниматься.

Как было отмечено, страны региона пытаются решить ряд проблем водопользования на основе двусторонних и трехсторонних договоренностей. В 2000 г. Кыргызстан и Казахстан подписали соглашение об использовании воды рек Чу и Талас, по которому Казахстан обязался компенсировать Кыргызстану часть расходов на под-

держание межгосударственной водной инфраструктуры. Для решения проблем, связанных с неудовлетворительной реализацией казахстано-киргизско-узбекского соглашения 1998 г., Казахстан выступил с инициативой создания Сырдарьинского водно-энергетического консорциума. В декабре 2001 г. Казахстан и Киргизия подписали предварительное соглашение о создании консорциума, но Узбекистан не пожелал к ним присоединиться.

После слияния Центральноазиатского экономического сообщества с ЕврАзЭС проект создания регионального водно-энергетического консорциума стал рассматриваться в рамках последнего. Водно-энергетическое хозяйство Центральной Азии нуждается в масштабных инвестициях, готовность к осуществлению которых демонстрируют пока только российские компании.

1 сентября 2006 г. в Астане прошла неформальная встреча президентов Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. Обсуждалась проблема использования водно-энергетических ресурсов. Встреча показала, что между странами сохраняются серьезные разногласия в этом вопросе. Удалось принять лишь решение о возобновлении деятельности Фонда спасения Арала.

Проблема совместного использования трансграничных рек остро стоит и в казахстанско-китайских отношениях. Реки Иртыш и Или, крайне важные для Казахстана источники воды, формируются на территории Китая. Иртыш берет начало в горах Монгольского Алтая и под названием Черный Иртыш течет до впадения в озеро Зайсан. Затем он протекает по северо-восточным землям Казахстана, выходит на Западносибирскую низменность, протекает по территориям Омской и Тюменской областей России и впадает в Обь.

Река Или впадает в озеро Балхаш. Иртыш обеспечивает водой Усть-Каменогорск, Семипалатинск и Павлодар, через канал Иртыш-Караганда – города Караганду и Астану. Китай увеличивает забор воды из Иртыша и Или для нужд промышленного развития СУАР. На территории КНР началось строительство канала длиной 300 км от Черного Иртыша до города Карамай, центра нефтяной промышленности СУАР. Китай предполагает забирать по каналу 0,45 куб. км иртышской воды в год, а в перспективе, когда канал полностью войдет в эксплуатацию (около 2020 г.) – до 2 куб. км. В результате река потеряет около четверти стока, что будет иметь тяжелые последствия для экологии и экономики Казахстана и отразится на водопотреблении населения Омской и Тюменской областей России. Аналогичный проект для обеспечения водой западной части Таримской котловины, разработан в Китае и применительно к использованию вод р. Или. Это может угрожать обмелением оз. Балхаш.

В 2001 г. Китай и Казахстан заключили рамочное соглашение об использовании трансграничных рек. Регулярно проходящие двусторонние переговоры по проблеме Иртыша не привели к взаимоприемлемому решению. Предложение Казахстана о заключении трехстороннего (с участием России) соглашения о совместном использовании трансграничных рек не реализовано. Китай выступает против рассмотрения проблемы в трехстороннем формате, предпочитая двусторонние переговоры с Казахстаном и Россией.

«Транспортная геополитика» в Центральной Азии

Исторически железные и шоссейные дороги стали строиться в Центральной Азии для ее соединения с европейскими регионами России. В годы существования СССР среднеазиатская транспортная сеть была замкнута на общесоюзную систему коммуникаций от советских западных границ до побережья Тихого океана. «Турксиб» (Туркестано-Сибирская железная дорога) связал железные дороги Средней Азии с Транссибирской магистралью. К моменту распада Советского Союза все основные железнодорожные и автомобильные пути на территории новых государств Центральной Азии служили для связей с Россией, то есть пролегли в северном направлении.

Реформирование системы транспортного сообщения для адаптации ее к потребностям независимого развития стало одной из общих политико-экономических задач. Ее решение было необходимо для развития торговли Центральной Азии с Китаем, Турцией, Ираном, Индией и Пакистаном.

В 1990-х годах между странами региона и соседними государствами был подписан ряд двусторонних и многосторонних документов о развитии транспортных связей¹¹. В начале 1990-х годов было налажено железнодорожное и автомобильное сообщение между новыми государствами и Китаем. В сентябре 1990 г. про-

¹¹ Среди них важно выделить китайско-казахстанское соглашение о железнодорожных перевозках (февраль 1992 г.), протокол о сотрудничестве в области железнодорожного, автодорожного и морского транспорта между Китаем и Узбекистаном (март 1992 г.), протокол о морских перевозках между Азербайджаном, Ираном, Казахстаном, Россией и Туркменистаном (апрель 1992 г.), соглашение о координации работы железнодорожного транспорта и о сотрудничестве в области транзитных перевозок между Азербайджаном, Грузией, Туркменистаном и Узбекистаном (май 1996 г.). Кроме того, было заключено соглашение о создании транспортного коридора «Север — Юг» (2000 г.) между Россией, Индией и Ираном, к которому впоследствии присоединился Казахстан.

изошла стыковка китайского и бывшего советского участков железной дороги, связывающей Китай с Казахстаном через переход Алашанькоу – Дружба. Таким образом, завершилось строительство второй трансконтинентальной евроазиатской магистрали, связывающей тихоокеанское побережье Китая (порт Ляньюньган) через железнодорожную сеть Казахстана, России, стран Восточной и Центральной Европы с атлантическим побережьем Западной Европы (Роттердам, Нидерланды). Китай провел модернизацию ранее построенных путей, что позволило повысить их пропускную способность.

Кроме того, КНР провела реконструкцию своего участка автомагистрали Алматы – Хоргос – Урумчи, по которой осуществляются пассажирские и грузовые перевозки между Казахстаном и КНР. Было начато строительство автомагистрали Ляньюньгань – Хоргос, которая должна связать западную границу КНР с тихоокеанским побережьем.

С начала 1990-х годов началось обсуждение проекта строительства автомагистрали, соединяющей Казахстан, Кыргызстан, Китай и Пакистан. В марте 1995 г. четыре страны подписали соглашение о транзитных перевозках. Автомагистраль от Алматы через Бишкек была соединена с Каракорумским шоссе, связывающим Китай и Пакистан. Этот маршрут стал для Китая кратчайшим путем к Индийскому океану. В октябре 2006 г. состоялось открытие автогрузового сообщения по Каракорумскому маршруту (Исламабад – Кашгар – Бишкек – Алматы). В 2004 г. была открыта дорога, связавшая с Каракорумским шоссе и Таджикистан (Мургаб – перевал Кульма – Каракорумское шоссе).

В 1996 г. Китай, Кыргызстан и Узбекистан подписали соглашение о строительстве автомобильной дороги Андижан – Ош – Иркештам – Кашгар. Узбекистан реконструировал автотрассу Ташкент – Андижан – Ош, напрямую связавшую столицу страны с узбекскими землями Ферганской долины. Ранее автомобильное сообщение с ними осуществлялось через таджикскую территорию.

Работы на участке Ош – Иркештам – Кашгар начались в 2000 г. В 2002 г. в Иркештаме на киргизско-китайской границе был открыт контрольно-пропускной пункт. В августе 2006 г. на встрече министров торговли стран ШОС было принято решение об ускорении работ по строительству автотрассы, ставшей первым транспортным проектом, реализуемым в рамках этой организации.

К 2010 г. предполагается построить железную дорогу, связывающую Узбекистан и Кыргызстан с Китаем (Андижан – Ош – Кашгар). Со своей стороны, Китай завершил строительство ветки Урумчи – Кашгар. Не решен, правда, вопрос о финансировании проекта.

Для Туркменистана приоритетом стало развитие сообщения с Ираном. В мае 1996 г. состоялось открытие туркмено-иранской железной дороги Теджен – Серахс – Мешхед. Хотя пропускная способность магистрали невелика, с ее открытием у стран Центральной Азии появилась возможность прямого выхода к Персидскому заливу (порт Бендер-Аббас). В 2000 г. началось строительство железной дороги между иранским Тедженом и туркменским городом Бабадайхан. Значительно расширилась сеть автодорог, связывающих Туркменистан с Ираном.

Среди обсуждаемых в регионе международных транспортных проектов – строительство железной дороги по восточному побережью Каспийского моря (Ералиев – Бекдаш – Туркменбаши – Иран), железнодорожной магистрали и автотрассы Туркменистан – Афганистан – Пакистан, автомагистралей Узбекистан – Афганистан – Пакистан (Ташкент – Кабул – Карачи) и Таджикистан – Афганистан – Пакистан. В 2005 г. на американские средства началось строительство нескольких мостов через реку Пяндж, разделяющую Таджикистан и Афганистан.

При поддержке Европейского Союза предпринимались усилия по развитию транспортного сообщения между Центральной Азией, Закавказьем и Черноморским регионом. В 1993 г. государства ЕС и страны Центральной Азии и Закавказья выработали концепцию масштабной программы создания «Транспортного коридора Европа – Кавказ – Азия» (ТРАСЕКА). Имелось в виду развитие инфраструктуры наиболее короткого пути из Центральной Азии к портам Черного моря и расширение доступа стран Центральной Азии и Закавказья к европейским рынкам, углубление регионального сотрудничества и привлечение средств международных финансовых институтов и частных инвестиций.

В 1995 г. был составлен первый список проектов программы ТРАСЕКА, реализация которых началась в 1996 году. В рамках программы предпочтение отдавалось государствам Закавказья, но и в странах Центральной Азии был осуществлен ряд проектов технического содействия и несколько инвестиционных проектов. В 1998 г. в Баку 12 стран Центральной Азии, Закавказья, Центральной и Юго-Восточной Европы подписали соглашение о развитии коридора Европа-Кавказ-Азия. Документ был подписан всеми центральноазиатскими странами, кроме Туркменистана¹². Прикаспийские страны, Казахстан и Туркменистан, приступили к развитию морского судоходства. Началось строительство морских

¹² Ашхабад не подписал соглашение из-за разногласий с Азербайджаном по вопросу о принадлежности нескольких шельфовых нефтяных месторождений на Каспии.

флотов, в том числе танкерных. Казахстан провел реконструкцию порта Актау и открыл паромное сообщение с Баку. В рамках программы ТРАСЕКА была осуществлена реконструкция порта Туркменбаши (Красноводска), существенно повысившая его пропускную способность. Начались регулярные грузо-пассажи́рские перевозки между портом Туркменбаши, каспийскими портами Ирана и Астраханью. Иран модернизировал каспийские порты Бандер-Энзели, Нека и Ноушехр.

Получили развитие международные авиаперевозки. В начале 1990-х годов Казахстан, Туркменистан, Узбекистан открыли регулярное авиационное сообщение с Турцией, Ираном, Пакистаном, Индией, Китаем, США, рядом стран Западной Европы, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. Была осуществлена реконструкция аэропортов, обновлен и расширен самолетный парк. К концу 1990-х годов новые авиационные маршруты связали Кыргызстан и Таджикистан с Китаем, Турцией, Ираном. В 2004 г. возобновилось авиасообщение между Душанбе и Кабулом.

Другим направлением реформы транспортных магистралей в регионе стало развитие коммуникаций, связывающих внутренние районы отдельных государств. Нередко межгосударственные коммуникации в Центральной Азии были развиты лучше, чем внутренние, а проезд из одной части страны в другую требовал транзита через соседние государства.

В Казахстане был реконструирован ряд автомобильных дорог, в том числе Алматы – Караганда – Астана, Атырау – Уральск, Уральск – Актюбинск. Завершилось сооружение дороги Кызыласкер – Кировский, позволившая соединить часть Южно-Казахстанской области с остальной территорией страны, минуя Узбекистан.

Планируется строительство железной дороги от станции Дружба на китайской границе до каспийского порта Актау. В Кыргызстане за счет кредитов Азиатского банка развития и правительства Японии было реконструировано шоссе Бишкек-Ош, ведется строительство автодороги Джалал-Абад – Ош через город Узген, что позволит обойти территорию Узбекистана.

Узбекистан построил железную дорогу Учкудук – Караузак, соединившую Бухару и Нукус в обход туркменской территории. В Туркменистане в 2006 г. вошла в строй железная дорога Ашхабад – Дашогуз, проходящая через Каракумскую пустыню, которая соединила северный и южный районы страны, ведется реконструкция автодорог, связывающих Ашхабад с Туркменбаши, Дашогузом и Мары. Строительство новых автодорог, в основном за счет внешних источников финансирования, ведется в Таджикистане.

Реформа системы транспортных коммуникаций в регионе не завершена. Магистралы, связавшие страны Центральной Азии с Китаем, Пакистаном, Афганистаном, Ираном, немногочисленны. Они нуждаются в расширении и модернизации.

Потенциал экспорта энергоносителей и электроэнергии из малых и средних стран

Нефтегазовые ресурсы распределены между странами Центральной Азии неравномерно. Казахстан располагает значительными запасами нефти и природного газа. Туркменистан и Узбекистан имеют крупные ресурсы газа. Кыргызстан и Таджикистан не имеют своего углеводородного сырья. Запасы нефти и газа сосредоточены на восточном побережье Каспия.

Данные об объемах запасов нефти и газа в странах региона существенно расходятся. По советским оценкам конца 1980-х годов доказанные ресурсы нефти в Казахстане составляют 1,5–2 млрд. т. По данным самого Казахстана (2006 г.) эти запасы достигают 5,5 млрд. т, а природного газа – 3 трлн. м³.

В 2006 г. в Казахстане было добыто 68 млн. т нефти, из которых 57 млн. т было экспортировано. Страна является крупным экспортером нефти со значительным потенциалом наращивания нефтедобычи. Добыча газа в Казахстане достигала в середине 2000-х годов 26,2 млрд. куб.м, около 7 млрд. из которых идет на экспорт. В 2008 г. в стране было добыто 70,7 млн. т нефти, из которых 62,4 млн. т пошло на экспорт. Добыча газа в Казахстане достигла в 2008 г. 32,9 млрд. м³, треть из которых экспортирована.

В Туркменистане доказанные запасы газа составляют 2,6 трлн. м³, хотя в апреле 2006 г. власти этой страны сообщили, что туркменские газовые ресурсы достигают 22 трлн. м³. Доказанные запасы нефти в Туркменистане – около 0,1 млрд. т. В 2003–2007 годах в стране добывалось 9,3 – 10,8 млн. т нефти. Добыча природного газа составляла в 2007 г. 73,5 млрд. м³.

В Узбекистане прогнозные запасы газа оцениваются в 5,9 трлн. м³, объем доказанных нефтяных ресурсов составляет 0,1 млрд. т. Узбекистан добывает более 60 млрд. м³ газа в год, поставляя на экспорт около 10 млрд. м³. Вследствие выработки основных месторождений, добыча нефти в стране сокращается. В 2005 г. было добыто 5,4 млн. т нефти, ушедших на внутреннее потребление.

На территории КНР в Синьцзяне запасы нефти и газа оцениваются соответственно в 0,2 млрд. т и 1 трлн. м³. В 2008 г. в САУР было добыто 27,2 млн. т нефти и 24 млрд. куб.м газа.

Страны Центральной Азии богаты каменным углем. Запасы угля в Казахстане оцениваются в 75 млрд.т (4% общемировых запасов). Узбекистан располагает запасами угля в 5,9 млрд.т. Запасы угля в Кыргызстане оцениваются в 1 млрд.т. Около 80 тыс.т угля в год добывается в Таджикистане.

Запасы урана в Казахстане оцениваются в 1,7 млн. т, что составляет 19% общемировых ресурсов (второе место в мире). Производство урана осуществляет государственная компания «Казатомпром», ставшая в 2009 г. его крупнейшим в мире производителем (объем добычи – 13,5 тыс. т). В Казахстане действуют совместные предприятия по добыче урана с Россией, Китаем, Японией, Канадой и Францией. Казахстан экспортирует закись-окись урана в Китай, Японию, Южную Корею, США.

В октябре 2006 г. было подписано российско-казахстанское соглашение о создании совместного предприятия по обогащению казахстанского урана в рамках открываемого Международного центра по обогащению урана в Ангарске. С 2007 г. начались поставки казахстанского урана в Россию.

Разведанные запасы урана в Узбекистане составляют от 55 до 80 тыс. т, прогнозные запасы оцениваются в 230 тыс. т. Страна находится на седьмом месте в мире по запасам урана и на пятом – по его добыче. Добычу урана осуществляет государственный Навоийский горно-металлургический комбинат (НГМК). В 2007 г. было произведено 2,27 тыс. т урана, к 2012 г. НГМК планирует увеличить добычу в 1,5 раза.

С 1992 г. единственным импортером узбекского урана была американская компания «Нукем», и уран поставлялся в США. В 2006 г. монопольное положение «Нукем» было поколеблено: НГМК подписал соглашение об экспорте в Японию в 2007 г. 300 т закиси-окиси урана. Контракт заключен на пять лет, годовой объем поставок и цены будут пересматриваться ежегодно. Кроме того, было подписано соглашение об экспорте урана в Южную Корею в 2010-2014 годах в объеме 300 т в год. Планы создания совместного предприятия по разведке и добыче урана с Россией остались нереализованными.

За годы независимости обмен энергоресурсами между странами Центральной Азии сократился. Казахстан поставляет уголь и газ в Кыргызстан. Узбекистан заменил Туркменистан в качестве основного поставщика природного газа странам региона. От поставок узбекского газа зависят Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. Страны-потребители периодически обвиняют Ташкент в использовании газового экспорта для оказания политического и экономического давления.

В Ферганской долине между Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном осуществляются взаимные перебросы электроэнергии. Казахстан импортирует электроэнергию из России, Кыргызстана и Узбекистана и одновременно экспортирует ее в Россию и приграничные области Узбекистана (являясь с 2002 г. нетто-экспортером электроэнергии).

Страны Центральной Азии наращивают экспорт электроэнергии южным соседям. Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан поставляют электроэнергию в Афганистан, Туркменистан – в Турцию и Иран. В 2003 г. начался экспорт электроэнергии из Таджикистана и Кыргызстана в Россию.

«Трубопроводная дипломатия» в региональных отношениях

В 1990-х годах Казахстан экспортировал основной объем нефти по нефтепроводу «Атырау – Самара», пропускная способность которого после его реконструкции в 2001 г. составляла 15 млн. т в год. В 2001 г. был введен в эксплуатацию нефтепровод «Тенгиз–Новороссийск», построенный Каспийским трубопроводным консорциумом (КТК), акционерами которого являлись правительства России, Казахстана и Омана и ряд транснациональных нефтяных компаний¹³. К этой ветке были присоединены новые: «Карачаганак – Атырау» и «Кенкияк – Атырау».

Было запланировано увеличение пропускной способности нефтепровода «Тенгиз – Новороссийск» с 32 до 67 млн. т в год. Но в 1999 г. Турция, ссылаясь на соображения экологической безопасности ввела ограничения на проход танкеров через черноморские проливы. Это решение отчасти лишила смысла проект увеличения прокачки нефти через российскую часть Черноморского побережья.

Возникшее препятствие предполагается преодолеть за счет сооружения при участии России нового нефтепровода «Бургас –

¹³ Состав акционеров КТК менялся. В настоящее время в Каспийском трубопроводном консорциуме 31% акций принадлежит Российской Федерации (в управлении компании «Транснефть»), 20,75% – Казахстану (19% – у национальной компании «КазМунайГаз» и 1,75% – принадлежащей «КазМунайГазу» компании «Казахстан пайплайн вентшез»), 15% и 7,5% – соответственно американским компаниям «Шеврон» и «Мобил»; 12,5% – корпорации «ЛукАрко» (принадлежащей российскому «Лукойлу»), 7,5% – компании «Роснефть – Шелл» (Россия – Нидерланды), 2% – «Эни» (Италия), 2% – «Бритиш Гэс» (Великобритания), 1,75% американской компании «Орикс» (США). В 2008 г. правительство Омана продало свою долю России, а в 2009 г. консорциум покинула компания «БП – Амоко».

Александрополис» от Болгарии до Греции. Имеется в виду, что Казахстан продолжит доставлять свою нефть в Новороссийск, а далее она будет направляться не через проливы, а прямо в порт Бургас. Этим путем можно будет поставлять на европейские рынки до 17 млн. т нефти в год.

Администрация США приложила много усилий, чтобы добиться присоединения Казахстана к нефтепроводу «Баку – Джейхан» от Азербайджана через территорию Грузии в Турцию. Он был сооружен в 2005 г. без участия России и был нацелен на ликвидацию ее монополии на транспортировку каспийской нефти в западном направлении. Российские компании противодействовали реализации этого проекта, опираясь в ряде случаев на поддержку правительства. Руководство Казахстана оказывало политическую поддержку проекту и согласилось использовать этот маршрут, поставляя нефть танкерами по Каспийскому морю до Баку.

В то же время в Астане настороженно восприняли предложение об участии в сооружении технически сложной и дорогостоящей транскаспийской ветки «Актау – Баку» от Казахстана до Азербайджана по дну Каспийского моря. Этот проект, тем не менее, продолжает лоббировать Вашингтон. Казахское руководство не отказывается от этой идеи в принципе, потому что в случае существенного роста добычи нефти в Казахстане трубопровод на Новороссийск может оказаться недостаточным для прокачки дополнительных объемов сырья.

Со второй половины 1990-х годов интерес к энергоресурсам Центральной Азии, прежде всего казахстанской нефти, проявляет Китай. Более половины китайского нефтяного импорта обеспечивается за счет импорта с Ближнего Востока, и Пекин стремится расширить круг источников поставок. КНР инвестирует в нефтегазодобычу во многих странах мира. С точки зрения надежности поставок казахстанская нефть считается в Пекине привлекательной, поскольку ее можно доставлять в КНР по суше. Это может оказать дорожку, но снизит зависимость Китая от морских перевозок.

В 1997 г. Китайская национальная нефтяная компания (КННК) приобрела в казахстанские компании «Актобемунгаз» и «Узеньмунгаз», а в 2003 г. – месторождение Северные Бузачи. В 2005 г. под китайский контроль перешла компания «ПетроКазахстан», владеющая Кумкольским месторождением. Вслед за тем в 2006 г. Китайская государственная инвестиционная корпорация «СITIC Group» приобрела месторождение Каражанбас на западе Казахстана.

В апреле 2009 г. КННК приобрела 50% акций казахстанской компании «Мангистаумунгаз», добывающей около 5 млн. т нефти в год на 15 месторождениях. Одновременно Китай предоставил

Казахстану, столкнувшемуся с финансовыми трудностями, беспрецедентный кредит в сумме 10 млрд. долларов, из которых 5 млрд. предназначалось национальной нефтяной компании «КазМунай-Газ», а 5 млрд. – Банку развития Казахстана. Условия соглашений стороны не разглашали¹⁴.

Попытка Китая приобрести в 2003 г. 16% акций в Кашаганском консорциуме, разрабатывающем крупнейшее месторождение на каспийском шельфе Казахстана, была сорвана американской компанией «Эксон Мобил», которая смогла перехватить контракт.

В 2005 г. было завершено строительство нефтепровода «Атасу – Алашанькоу» от Казахстана до китайской границы с пропускной способностью в 10 млн. т. В октябре 2009 г. вступила в строй вторая очередь казахстанско-китайского нефтепровода – Кенкиак – Кумколь. Его пропускную способность предполагают довести до 20 млн. т. Нефтепровод, правда, работает не в полную мощность. Он частично использовался для поставок в Китай ограниченных объемов российской нефти, однако в декабре 2009 г. китайская сторона отклонила предложение российской компании «ТНК-ВР» продолжить эту практику. Важно заметить, что этот нефтепровод не проходит по российской территории и является *первым независимым от России каналом экспорта нефти из Казахстана*.

В начале 2000-х годов Казахстан и Туркменистан наладили экспорт нефти через Иран методом «замещения». Нефть танкерами доставляется в иранские порты на Каспии и идет на внутренне потребление в Северном Иране. За это иранские компании отгружают эквивалентное количество нефти со своих месторождений на побережье Персидского залива тем потребителям казахстанской и туркменской нефти, которые заключили соответствующие контракты с Казахстаном и Туркменистаном.

В 2003 г. Иран завершил строительство нефтепровода от каспийского порта Нека до Тегерана, что открыло дополнительную возможность для экспорта центральноазиатской нефти через Иран. Однако проекты такого плана относятся к числу «политически рискованных». Соединенные Штаты против участия Ирана в любых схемах вывоза нефти из Центральной Азии.

Американским компаниям в Казахстане и Туркменистане запрещено сотрудничать с иранскими корпорациями.

Экспорт газа из Центральной Азии (туркменского, узбекского и казахского) поступает в западном направлении по старым советским трубопроводным системам «Средняя Азия – Центр» и «Буха-

¹⁴ В печати сообщалось, что часть кредита была использована Казахстаном для поддержания курса национальной валюты.

ра – Урал». При этом Узбекистан и Казахстан оказываются для Туркменистана при экспорте газа транзитными странами (при прокачке через западную ветку системы «Средняя Азия – Центр» транзит осуществляется только через Казахстан). Хотя пропускная способность газопроводов выросла, Туркменистан может реализовать экспортный потенциал не полностью: Узбекистан и Казахстан заинтересованы в экспорте собственного газа, а не в прокачке туркменского. Для преодоления трудностей в мае 2007 г. президенты Казахстана, Туркменистана и России договорились о сооружении прикаспийского газопровода пропускной способностью в 30 млрд. м³ в год.

В 2008 г. Москва и Ашхабад достигли предварительной договоренности о строительстве «Газпромом» в Туркменистане газопровода «Восток – Запад», который должен связать крупнейшее месторождение Йолотан с будущим Прикаспийским газопроводом. Однако Туркменистан потребовал исключить из проекта соглашения пункт, предусматривающий его увязку с Прикаспийским маршрутом. Кроме того, Ашхабад стал настаивать на финансировании строительства полностью российской стороной. Договориться не удалось, и строительство Прикаспийского газопровода не началось в установленные сроки. Туркменистан уклоняется от обязательства экспортировать через прикаспийский маршрут ресурсы Йолотанского месторождения.

В 1997 г. газопровод «Корпедже – Курт-Кюи» соединил Туркменистан и Иран. Его пропускная способность невелика (14 млрд. м³ в год), и он не решает проблемы диверсификации экспорта туркменского газа. Разрабатывается проект поставок через иранскую территорию туркменского газа в Армению. Однако Иран сам является экспортером газа и в этом смысле может конкурировать с Туркменией за рынки закавказских государств.

В конце 1990-х годов администрация США поддерживала проект сооружения газопровода, по которому туркменский газ по дну Каспийского моря и через территории Азербайджана и Грузии должен был поступать в Турцию. В ноябре 1999 г. главы заинтересованных государств подписали декларацию о принципах реализации этого проекта. Однако далее начались сложности. Российские, иранские и азербайджанские компании не были заинтересованы в появлении Туркмении на турецком рынке газа. Баку и Ашхабад не могли договориться по вопросу о принадлежности каспийского газового месторождения Сердар (Кяпаз). Не было согласия и в распределении квот экспорта через будущий газопровод. Тем не менее, проект не снят с обсуждения. «Газовые войны» между Россией и Украиной в 2006–2007 и 2008–2009 годах стимулировали рост интереса ЕС к лоббированию этого проекта.

Со второй половины 1990-х годов рассматривался проект строительства газопровода из Туркменистана в Пакистан через Афганистан («Довлетабад – Кандагар – Мултан»). Проект пользовался поддержкой США и Саудовской Аравии. В 1997 г. для строительства газопровода был создан консорциум во главе с американской компанией «Юнокал». Принятие Вашингтоном санкций против движения «Талибан» и трудности с поиском инвесторов заставили «Юнокал» отказаться от проекта.

После отстранения талибов от власти проект, поддерживаемый новым афганским правительством, Пакистаном, США и Азиатским банком развития, стал обсуждаться вновь. Предполагается, что трасса газопровода пройдет до индийского города Фазилка, а к сторонам, участвующим в проекте, присоединилась Индия. Но очередное обострение ситуации в Афганистане не позволило приступить к реализации этих планов.

В апреле 2006 г. Туркменистан подписал соглашение с Китаем об экспорте природного газа в объеме 30 млрд. м³ в год с 2009 года. Соглашением предусматривалось строительство газопровода от амударьинских месторождений Туркменистана до Шанхая, причем Китай обязался самостоятельно провести консультации о строительстве газопровода с транзитными странами (Узбекистаном и Казахстаном).

В 2006 г. Китай также подписал соглашение о закупке с 2009 г. 30 млрд. м³ газа в год у Казахстана. В связи с этим возникла идея строительства газопровода параллельно нефтепроводу «Атасу – Алашанькоу». В июле 2007 г. КННК получила лицензию на разработку газового месторождения Саманделе на правом берегу Амударьи. В декабре 2009 г. была введена в строй первая очередь газопровода Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай с пропускной способностью 13 млрд. м³ в год. К 2012 г. его пропускная способность должна быть расширена до 40 млрд. м³ в год. Предполагается, что с увеличением газодобычи в Казахстане, по этому газопроводу будет осуществляться и экспорт в Китай.

С центральноазиатскими экспортерами газа работает «Газпром». Концерн начал реконструкцию газопровода «Средняя Азия – Центр», которая позволит довести его пропускную способность с 45 до 90 млрд. м³ в год. В 2002 г. было создано российско-казахстанское предприятие «КазРосГаз», осуществляющее экспорт в Россию казахстанского газа, который после переработки частично возвращается в Казахстан, а частично реэкспортируется. В октябре 2006 г. Россия и Казахстан достигли соглашения о создании на базе Оренбургского газоперерабатывающего завода совместного предприятия по переработке казахстанского газа. Весь казахстанский газ, поставляемый на экспорт, приобретает Россия.

В 2002 г. было подписано соглашение «Газпрома» и «Узбекнефтегаза», предусматривающее покупку узбекского газа в 2003–2012 годах в объеме до 10 млрд. м³ в год. На самом деле, российская сторона закупает около 14 млрд. м³ туркменского газа.

В апреле 2003 г. Россия и Туркменистан подписали сроком на 25 лет рамочное межправительственное соглашение о сотрудничестве в газовой отрасли, предусматривавшее увеличение объемов экспорта туркменского газа в Россию с 5–6 млрд. м³ в 2004 г. до 60–70 млрд. м³ в 2007 г. и 70–80 млрд. м³ в год в 2009–2028 годах. В 2006–2008 годах российский концерн приобретал у Туркменистана 41–42 млрд. м³ газа в год. При этом средняя цена поставок возросла с 65 до 140 долларов за тыс. м³. «Газпром» реэкспортирует приобретаемый у Туркменистана газ – преимущественно на Украину.

Контракт на 2009 г. предусматривал покупку 50 млрд. м³, а цена, привязанная к среднеевропейской, составила в первом квартале 375,5 долларов за тыс. м³. Однако сложившаяся модель взаимодействия «Газпрома» и Туркменистана не выдержала испытания экономическим кризисом 2008–2009 годов. При снижении в 2009 г. объемов газа, приобретаемого Украиной, и падении спроса со стороны других европейских потребителей условия реэкспорта туркменского газа оказались для «Газпрома» убыточными.

В апреле 2009 г. на газопроводе Довлетабад – Дариялык, входящем в систему «Средняя Азия – Центр», произошел взрыв, причиной которого, по версии туркменской стороны, стал спад давления в трубе, вызванный резким сокращением объема газа, отбираемого «Газпромом». Министерство иностранных дел Туркменистана заявило, что «Газпром» действовал без согласования с Ашхабадом, и обвинило российскую сторону в нарушении контракта. Представители «Газпрома» утверждали, что они извещали Туркменистан о предстоящем снижении объемов закупок в связи с сокращением спроса на Украине.

Проблема, казавшаяся сугубо технической, обнажила противоречия российско-туркменского сотрудничества. Комментаторы связывали ситуацию с попыткой «Газпрома» оказать давление на Туркмению и отказаться от идеи развивать проекты экспорта газа не только через российские газопроводы. Российский концерн отказывался увеличивать объем закупок, ожидая, что туркменская сторона либо снизит цену на свой газ, либо согласится сократить объем поставок. Из-за кризиса в странах ЕС спрос и цены на газ упали. В такой ситуации прибыли «Газпрома» от реэкспорта туркменского газа на Украину и в Евросоюз уменьшились, и концерн пытался уменьшить свои потери. Но

Ашхабад проявил твердость и отклонил все его предложения. Тогда «Газпром» вообще исключил в своем бюджете на 2009 год расходы на приобретение туркменского газа. Только в конце 2009 г. была достигнута договоренность о возобновлении его поставок в Россию в 2010 году.

Международно-политические параметры региональной наркоторговли

Гражданские войны в Афганистане не позволили своевременно провести продуманное реформирование архаичного экономического уклада страны. Традиционное сельское хозяйство в афганских оазисах никогда не давало высоких прибылей, но оно позволяло удовлетворять потребности населения. Войны спровоцировали «локальную милитаризацию» Афганистана в том смысле, что полевые командиры, реально удерживавшие власть не местах, нуждались в постоянном притоке оружия. Для оплаты его ввоза требовались средства, получить которые обычным путем племенные вожди и командиры не могли. Стремясь добыть деньги, они стали поощрять производство наркотиков.

В Афганистане сформировалась наркоэкономика. В нее оказалось прямо (выращивание опиумного мака и его переработка) или косвенно (обеспечение наркотрафика) вовлечена половина населения страны. К началу 2000-х годов около 75% героина в мире производилось из опиума, выращенного в Афганистане.

Руководство движения «Талибан», формально осуждало наркоторговлю как противоречащую нормам ислама. Правда, сначала оно благосклонно относилось к расширению посевов опиумного мака и даже облагало этот вид деятельности налогом. Но в 2000 г. талибы запретили возделывать мак, что несколько ограничило его производство. После свержения талибов производство опиума вновь выросло.

По сведениям таджикских властей, в Афганистане вблизи от таджикской границы действует сеть лабораторий по производству героина. Более половины объема афганских наркотиков вывозится через Иран и Пакистан и около половины – через страны Центральной Азии. Однако Иран применяет крайне жесткие меры борьбы с контрабандой и потреблением наркотиков, чего не делают центральноазиатские страны. В итоге большая часть наркотрафика проходит через них. При этом почти половина его приходится на Туркменистан, границы которого с Афганистаном по-прежнему открыты. Контрабанда наркотиков ведется и через террито-

рии Таджикистана и Узбекистана – в основном по направлению Хорог – Ош. Далее наркотики попадают в Киргизию и Казахстан, Россию и страны ЕС.

Страны Центральной Азии, оказавшись на пути контрабанды наркотиков, столкнулись с ростом наркомании, преступности, коррупции в органах таможенного и пограничного контроля, правоохранительных институтах и аппарате государственной власти.

По оценкам ООН, число наркоманов в Казахстане составляло 165–186 тыс. человек, в Кыргызстане – 80–100 тыс., в Таджикистане – 45–55 тыс., в Узбекистане – 65–91 тыс. человек. Около 5 тыс. наркоманов имеется в Туркменистане. По оценкам СМИ, в странах региона около половины таможенных служащих в той или иной степени причастны к наркоторговле. Пункты досмотра и контроля на границах и транспортных магистралях оказываются малоэффективным заслоном на пути наркотиков.

Афганское правительство и войска НАТО в Афганистане, фактически не предпринимают мер по борьбе с производством наркотиков. Руководство стран, войска которых ведены в Афганистан, вынуждены безмолвно признавать свою неспособность искоренить наркопроизводство.

Все страны Центральной Азии присоединились к Конвенциям ООН о наркотиках, психотропных веществах и незаконном обороте наркотиков. Помимо того, Казахстан, Узбекистан и Киргизия в 1996 г. отдельно подписали аналогичное соглашение. Но на деле и многостороннее, и двустороннее сотрудничество развивается с трудом. Туркменистан вообще не проявляет интереса к нему.

При ОДКБ действует координационный совет по противодействию незаконному обороту наркотиков. С 2003 г. проводятся операции «Канал» по выявлению и блокированию маршрутов их транспортировки. В июне 2004 г. соответствующее соглашение было заключено и в рамках ШОС.

По линии ООН с мая 1996 г. действует меморандум о сотрудничестве в борьбе с наркотрафиком, который подписали Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия и Туркменистан. На его основе принята региональная программа сотрудничества. ООН реализовала ряд проектов по выявлению масштабов культивирования опиумного мака и конопли в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане.

Сотрудничество под эгидой ООН осуществляется между правоохранительными органами Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана. Предпринимаются попытки усиления охраны туркмено-афганской, туркмено-иранской и таджикско-афганской границ.

Европейский Союз реализует в регионе с 2001 г. программу по борьбе с наркотиками, а с 2003 г. – программу содействия управле-

нию границами. США оказывают правоохрнительным органам центральноазиатских стран помощь в борьбе с наркотрафиком на двусторонней основе.

Основная причина неудач борьбы с наркоторговлей – слабая защищенность границ между Афганистаном и его соседями. Относительно надежно защищена только узбекско-афганская граница по Амударье. Но наркотики проникают в Узбекистан через Таджикистан. Узбекские власти, пытаясь пресечь незаконное перемещение людей и грузов через государственные границы, в конце 1990-х годов даже заминировали ряд участков своей границы с Таджикистаном и Кыргызстаном. Блокировать проникновение наркотиков таким образом не удалось, а соседние страны были крайне раздражены мерами Узбекистана.

Полностью «прозрачная» российско-казахстанская граница является основным путем поступления наркотиков в Россию. По данным МВД РФ, 93% марихуаны, 85% гашиша и 78% опия поступают в Россию через Казахстан.

Афганские наркотики ввозятся на территорию центральноазиатских стран и через Синьцзян. Около 20% героина, поступающего этим путем, производится на афганской территории. СУАР занимает второе место в КНР по уровню потребления наркотиков (уступая провинции Юньнань). Наркобизнес в странах Центральной Азии тесно связан с экстремистскими организациями, прежде всего Исламским движением Узбекистана (ИДУ), которое контролировало в конце 1990-х годов до 70% центральноазиатской наркоторговли. Вторжения отрядов ИДУ в Кыргызстан и Узбекистан в 1999–2000 годах, роль наркобизнеса в свержении власти в Кыргызстане и мятежа в узбекской части Ферганы в 2005 г. показали, что наркобизнес имеет политические амбиции. Он стремится контролировать государственную власть или существенно влиять на нее. Преступные сообщества, занятые транспортировкой и сбытом наркотиков, стали угрозой внутренней безопасности стран Центральной Азии и стабильности всей региональной подсистемы.

Наркоторговля стимулирует контрабанду оружия, радиоактивных материалов, нелегальную миграцию. По экспертным оценкам, в Афганистане имеется в личном пользовании жителей 10 млн. единиц огнестрельного оружия. Со времен гражданской войны большое количество оружия осталось у жителей Таджикистана. Нет оснований пока говорить о том, что Центральная Азия стала коридором масштабной контрабанды оружия. Но по данным МАГАТЭ с конца 1990-х годов фиксируются попытки нелегального провоза через границы центральноазиатских стран урана, плутония и тория.

Кризис проекта «демократизации Афганистана» и новое обострение ситуации в Южном Туркестане в конце 2000-х годов

К началу 2009 г. стало очевидно, что проамериканское правительство Х.Карзая в Кабуле не пользуется поддержкой сограждан. Летом 2009 г. в Афганистане состоялись президентские выборы. Президент был переизбран, но большинство афганцев не признало его победу законной. Президент утратил политическую поддержку внутри страны. Его полная зависимость от США и бездействие в вопросах улучшения жизни афганцев вызвали разочарование всех слоев. Президент не пользовался авторитетом у племенных вождей, полевых командиров, духовенства и простых граждан. Его власть по-прежнему не выходила за пределы столицы и зон, непосредственно подконтрольных командованию стран НАТО.

При этом талибы, укрывшиеся на время в Пакистане, успели оправиться от поражения 2001 года. Их популярность среди населения снова возросла. Пренебрежительно относящиеся к Х.Карзаю руководители провинций стали вступать в союз с талибами. В итоге те вернули себе контроль над 70% афганской территории.

В рядах стран НАТО, направивших войска в Афганистан, не было единства. Великобритания считала возможным продолжать военные действия против талибов и была согласна увеличить свой воинский контингент. В отличие от нее Германия, разместившая свои силы в зоне контроля Северного Альянса как наиболее безопасной, высказывала сомнения по поводу перспектив новой войны с талибами.

Ключевое значение приобрел вопрос о курсе Соединенных Штатов в афганском вопросе. В январе 2009 г. в США приступила к исполнению обязанностей администрация президента Барака Обамы, представляющего демократическую партию. Новый президент намеревался внести изменения в политику США на Среднем Востоке, выступая за диалог с Ираном. Но в вопросах афганской политики он склонился в пользу усиления давления на талибов. В течение 2009 г. американский воинский контингент на афганской земле был увеличен с 47 до 68 тыс. человек. В ноябре 2009 г. Б. Обама заявил о направлении в Афганистан дополнительно 30 тыс. военнослужащих, пообещав приступить с июля 2011 г. к сокращению их численности.

Десятилетие 2000-х годов было важным этапом созревания подсистемы международных отношений в Центральной Азии. Ключевую роль в ее формировании стали играть малые и средние

страны, в целом успешно прошедшие первые десятилетия испытания независимостью. В регионе не было большой войны, а конфликты на его южной периферии не перекинулись на территорию центральноазиатских государств.

Великие державы довольно осмотрительно строят отношения с малыми странами, конкурируя друг с другом, но избегая обострения соперничества и не втягивая в него малые и средние государства. Запасы энергетического сырья и ресурсы стратегического пространства – главные факторы, которые определяют интерес внешних держав к центральноазиатским странам.

Насущной проблемой региона остается отработка подходящей модели его экономического, социального и политического реформирования с целью обеспечения благосостояния и безопасной жизни местных народов. Решить эти задачи полностью самостоятельно им не удастся. Тем важнее поиск форм и условий международного сотрудничества, в рамках которого удалось бы совместить интересы более мощных и менее крупных стран.

Заключение

Два десятилетия после распада Советского Союза в Центральной Азии идет процесс формирования новой международно-политической подсистемы. Формально ее рубежи принято проводить по государственным границам местных стран. С аналитической точки зрения – большие части территорий Китая и Афганистана фактически развиваются с ними в едином международно-политическом ритме. Это создает много проблем для безопасности, экономического развития государств региона и гуманитарных интересов его жителей.

К началу 2010-х годов стало заметно возвышение роли центральных материковых районов Евразии в «большой» международной политике. Активная политика США и ряда близких Вашингтону партнеров по НАТО на Среднем Востоке, формирование «западного», то есть ориентированного на Центральную Азию, вектора политики Китая, фактор ядерного оружия Пакистана, рост значения энергетических составляющих региональных отношений – все это стало способствовать формированию обширного геополитического региона *Центрально-Восточной Азии*, ядром которого является Центральная Азия в узком смысле слова¹⁵, а периферией – тихоокеанское побережье стран Дальнего Востока и ЮВА.

В региональной политике мощно проявляет себя *этнополитическая и военно-стратегическая связка Афганистан–Пакистан–Таджикистан–Узбекистан*. Проблемы безопасности связывают эти страны в конфликтный узел, части которого невозможно развязать по отдельности.

Взаимопроникающее расселение таджиков и узбеков в сопредельных районах Узбекистана и Таджикистана определяют вовлеченность первого в дела второго. Сложные отношения между правительством Таджикистана и отдельными региональными кланами этой страны с таджикскими общинами в Афганистане, вовлеченными в борьбу за власть в Кабуле, формируют «единое таджико-афганское политико-военное пространство». Безопасность Таджикистана зависит от соотношения сил между афганскими таджиками на севере и пуштунами на юге и востоке.

¹⁵ См. *Богатуров А.Д.* Центрально-Восточная Азия в современной международной политике // Восток. 2005. № 1. *Богатуров А.Д.* Российский Дальний Восток в новых геопроостранственных измерениях Восточной Евразии // Мировая экономика и международные отношения, 2004, № 10. (электронные версии см.: <http://www.obraforum.ru>).

В меньшей мере сходная взаимозависимость существует между Афганистаном и Узбекистаном, поскольку общины афганских узбеков связаны с Узбекистаном и играют, подобно афганским таджикам, заметную роль в соотношении внутриафганских сил.

Афганистан – тоже не изолированный игрок. Проблема «Большого Пуштунистана» связывает его с Пакистаном. «Пакистанские пуштуны» вовлечены в афганские дела и не проявляют лояльности по отношению к правительству Пакистана. Соответственно, Исламабад не безразличен к борьбе между пуштунскими, таджикскими и узбекскими группировками в Кабуле. Пакистано-афгано-таджико-узбекская «связка» оказывается геополитическим стержнем-шарниром, вокруг которого вращаются сюжеты, связанные с конфликтами в этой части мира.

Важным стимулом формирования региональной подсистемы было укрупнение западного и северо-западного вектора внешней политики и политики обеспечения национальной безопасности Китая. После распада СССР безопасность КНР приобрела еще одно материковое измерение, которое неотделимо от безопасности прибрежно-островного Китая. Территория КНР является скрепляющим стержнем единого пространства безопасности от тихоокеанского побережья до Центральной Азии. Появление угрозы исламского экстремизма и наркотрафика, возрастание интереса Пекина к энергетическим ресурсам малых и средних стран региона придали западному направлению китайской политики значение, выходящее за пределы узкой региональной политики, ориентированной просто на соседние не очень сильные страны. Китайская дипломатия развернула программу развития сотрудничества на основе ШОС.

Важным аспектом региональной ситуации стало появление в 2001 г. военного присутствия США в регионе. Американские базы «вышли в стратегический тыл КНР», который китайская дипломатия стремилась сделать зоной, свободной от американского присутствия. Регион открылся для международной конкуренции подобно Ближнему Востоку, Юго-Восточной Азии или Балканам. Военно-политические интересы США в тихоокеанской части Евразии, союзы с Японией и Южной Кореей и «особые» связи с Тайванем создали связку между целями Вашингтона в отношении Китая и интересами США в Центральной Азии.

Происходит «азиатизация» НАТО за счет появления неформальных зон ответственности этой организации за пределами евроатлантического мира. У альянса появилось «центральноазиатское измерение» – присутствие США, Германии, Турции, Британии в Афганистане и американские военные базы в Киргизии. Россия те-

перь располагается не у крайнего восточного уступа НАТО. Она «нависает» над альянсом с севера – поскольку зона его *фактической* ответственности дошла до границ Китая и Пакистана, опоясав Россию с юго-запада и юга.

Российская Федерация уделяет больше внимания вопросам экономического сотрудничества и безопасности в Восточной Евразии. Энергоносные месторождения Восточной Сибири становятся главным резервом национального развития России. Серьезней выглядит перспектива экспорта российской нефти и газа в Китай и Японию. Страны Центральной Азии в этом смысле прикрывают «мягкое подбрюшье» сибирских регионов России, что определяет их важнейшее место в системе интересов экономической и военной безопасности Российской Федерации.

Источники и литература

UN Office on Drugs and Crime. Central Asia. Strategic Programme Framework, 2004–2007.

(http://www.unodc.org/pdf/uzbekistan/SPF_Central_Asia_2004_2007.pdf)

International Alert. Security and Peacebuilding Programme. Monitoring the Implementation of Small Arms Control. Small Arms Control in Central Asia. 2004. (<http://smallarmssurvey.org/files/portal/spotlight/country/en-pdf/europe-kirg-tajik-kazakh-2004.pdf>)

Азовский И.П. Центральназиатские республики в поисках решения транспортной проблемы. М.: МОНФ, 1999.

Алаев Л.Б. История Востока. Первобытная эпоха. Древность. Средние века. Новое время. М.: Росмэн, 2007.

Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Социокультурная динамика России. Т. 1–2. Новосибирск, 1998.

Афганистан и безопасность Центральной Азии. Вып. 1 / Под ред. А.А. Князева. Бишкек: Илим, 2004.

Богатуров А.Д. Анклавная природа мировой политики и перспективы формирования мирового общества // Современная мировая политика. Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д.Богатуров. М.: Аспект-пресс, 2009.

Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория и международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны. 1945–1995. М., Сюита, 1997. Гл. 2. (электронная версия на сайте: <http://www.obraforum.ru>)

Богатуров А.Д. Центральна-Восточная Азия в современной международной политике // Восток. 2005. № 1. (электронная версия на сайте: <http://www.obraforum.ru>)

Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток – Запад. К 70-летию академика Нодари Александровича Симони. М.: Прогресс-Традиция, 2002.

Воскресенский А.Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М.: Аспект-Пресс, 2007.

Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира. М.: МОНФ, 2001.

Звягельская И.Д. Становление государств Центральной Азии. Политические процессы. М.: Аспект-пресс, 2009.

Звягельская И.Д., Наумкин В.В. Угрозы, вызовы и риски «нетрадиционного» ряда (Центральная Азия) // Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М.: МГИМО (У); РОССПЭН. 2002.

Князев А.А. К истории и современному состоянию производства наркотиков в Афганистане и их распространения в Центральной Азии. Бишкек: Илим, 2004.

Коргун В.Г. Что после Карзая? // Международные процессы. Том 7. Номер 1(19). Январь-апрель 2009.

Кузьмина Е.М. Геополитика Центральной Азии. М.: Наука, 2007.

Лузянин С.Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004 – 2008 гг.). М.: АСТ: Восток – Запад, 2007.

Наркоторговля через российско-казахстанскую границу. Вызов и проблема противодействия. Рабочий доклад Центра региональных и трансграничных исследований ВолГУ № 1 / Под ред. С.В. Голунова. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2004.

Нефтегазовые ресурсы Казахстана в системе мировых и региональных отношений / Отв. ред. М.С. Ашимбаев. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2002.

Олкотт М.Б. Второй шанс Центральной Азии. М.: Московский Центр Карнеги, 2005.

Перспективы Центральной Азии как транзитного моста между Европой и Китаем: Материалы международной конференции (26 апреля 2005 г.). Алматы: КИСИ при Президенте Республики Казахстан, 2005.
(<http://www.kisi.kz/img/docs/502.pdf>)

Прозрачные границы. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / Под ред. Л.Б.Вардомского и С.В.Голунова. М. – Волгоград: НОФМО, 2002.

Симония Н.А. Страны Востока: пути развития. М.: Наука, 1975.

Сыроежкин К.Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. Алматы: Дайк-Пресс, 2003.

Сыроежкин К.Л. Новое путешествие на Запад // Континент. 2005. №4.
(<http://www.continent.kz/2005/04/10.htm>)

Сыроежкин К.Л. Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2006.

Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве / под ред. Л.Л.Рыбаковского. М.: Academia, 2009.

Троицкий Е.Ф. Политика США в Центральной Азии (1992–2004 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005.

Шайхутдинов М.Е. Геополитика, глобалистика и теория национальной безопасности: методологические и прикладные аспекты. Павлодар, ЭКО, 2005.

Эволюция восточных обществ. Синтез традиционного и современного / Отв.ред. Л.И.Рейснер, Н.А.Симония. М.: Главная редакция восточной литературы, 1984.

Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: возможности и вызовы для России / Под ред. М.М. Наринского, А.В.Мальгина. М.: МГИМО (У) МИД России; АНО «ИНО-Центр»; Логос, 2003.

Bell D., Brown D., Jayasuriya K. Toward Illiberal Democracy in Pacific Asia. London: MacMillan, 1995.

Bogaturov A. International Relations in Central-Eastern Asia: Geopolitical Challenges and Prospects for Political Cooperation / CNAPS Working Paper, June 2004. Center for Northeast Asia Political Studies, The Brookings Institution (<http://www.brookings.edu/fp/cnaps/papers/bogaturov2004.htm>)

China's Campaign to «Open Up the West»: National, Provincial and Local Perspectives / Ed. by David S.G. Goodman. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Cornell S. The Narcotics Threat in Greater Central Asia: From Crime – Terror nexus to State Infiltration? // China and Eurasia Forum Quarterly. 2006. № 1.

Energy, Wealth and Governance in the Caucasus and Central Asia. Lessons not Learned / Ed. by R. Auty and I. De Soysa. L., N.Y.: Routledge, 2006.

«Go West» campaign demands long-term, consistent devotion // Zhenming Zhibao. 17 January, 2005.

(http://english.people.com.cn/200501/17/eng20050117_170916.html)

Macfarlane S. Neil, Torjesen S. Kyrgyzstan: A Small Arms Anomaly in Central Asia? Small Arms Survey Occasional Paper № 12. Geneva: Graduate Institute of International Studies, 2004.

Osmonaliyev K. Developing Counter-Narcotics Policy in Central Asia. Legal and Political Dimensions. Wash., D.C., Uppsala: Silk Road Studies Program and Central Asia – Caucasus Institute, 2005

Soucek S. A History of Inner Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Starr F., Fuller G. The Xinjiang Problem. Wash., D.C.: Central Asia – Caucasus Institute, 2003.

Zakaria F. The Future of Freedom. Illiberal Democracy at Home and Abroad. New-York-London: W.W.Norton

Сведения об авторах

Богатуров Алексей Демосфенович – 1954 г.р., доктор политических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Лауреат премии Российской Академии наук им. академика Е.В.Тарле, главный редактор журнала «Международные процессы» (<http://www.intertrends.ru>), директор Научно-образовательного форума по международным отношениям, заместитель директора Института проблем международной безопасности РАН.

Автор 250 научных работ объемом около 300 а.л.

Дундич Алексей Сергеевич – 1981 г.р. окончил бакалавриат и магистратуру (2004) Барнаульского государственного педагогического университета и магистратуру Академии ОБСЕ в Бишкеке (2005), аспирант МГИМО МИД России.

Стипендиат Международной программы стипендий Фонда Форда (2006–2009), стажер Школы углубленных международных исследований (SAIS) Университета Джонса Хопкинса в Вашингтоне (2007–2008).

Автор 15 научных работ общим объемом ок. 8 п.л.

Троицкий Евгений Флорентьевич – 1979 г.р., окончил Томский государственный университет в 2000 г., кандидат исторических наук («Политика США в Центральной Азии (1992–2000 гг.)», ТГУ, 2004). В 2000–2002 гг. – преподаватель английского языка, в 2002–2004 гг. – помощник заместителя директора международной неправительственной организации «Проект “Гражданское образование”», с 2003 – ассистент, доцент Кафедры мировой политики ТГУ. С 2004 г. – координатор Межрегионального института общественных наук ТГУ.

В 2008–2009 гг. – стипендиат Программы Фулбрайта (Институт Центральной Азии и Кавказа, Университет Джонса Хопкинса, Вашингтон).

Автор 25 научных работ общим объемом около 30 п.л.

Международные процессы

Журнал теории международных отношений и мировой политики

Главный редактор

д.пол.н., профессор *А.Д. Богатуров*,
заместитель директора Института проблем международной безопасности РАН

«*Международные процессы*» — первый российский научный журнал, посвященный теории международных отношений и мировой политике. В журнале публикуются статьи, анализирующие новые тенденции в развитии международных отношений и мировой экономики, а также освещающие современные теоретические дискуссии по конфликтологии, международным организациям, этическому измерению внешней политики и международного права, международной безопасности, геополитике.

Журнал является независимым изданием, созданным в целях содействия научному общению между русскоязычными исследователями и преподавателями международных отношений и смежных дисциплин. Мы также стремимся помочь становлению и развитию в России школ теоретического осмысления международных отношений и мировой политики.

Среди наших авторов — сотрудники образовательных и исследовательских учреждений России, стран СНГ, Западной Европы и Северной Америки. Помимо академической аудитории, журнал распространяется среди представителей российских федеральных и региональных органов власти, включая Министерство иностранных дел и Федеральное Собрание РФ.

«Международные процессы» приглашают к сотрудничеству авторов. Объем рукописей представляемых на рассмотрение Редакционного совета, не должна превышать 40 тысяч знаков с пробелами. К рассмотрению принимаются только ранее не публиковавшиеся материалы, не представленные одновременно к публикации в других периодических изданиях или в составе коллективных работ.

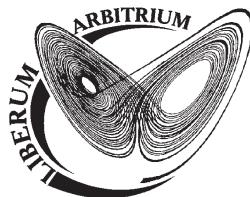
Журнал выпускается три раза в год Научно-образовательным форумом по международным отношениям при поддержке Фонда Макарутов.

ISSN 1728-2756

E-ISSN 1811-2773

Индекс журнала по каталогу «Роспечать» — 46768.

<http://www.intertrends.ru>

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

На эмблеме Форума изображен «аттрактор Лоренца» — фигура, воплощающая вариантность движения потоков частиц в неравновесных системах. Эмблема зарегистрирована как товарный знак.

International Trends

Journal of International Relations Theory and World Politics

Edited by *Alexey D. Bogaturov*,
Institute of International Security Studies,
Russian Academy of Sciences

International Trends is the first Russian academic journal dedicated to international relations theory and methodology of world-political studies.

The journal features first-class articles on new fundamental trends in international relations and world economy, the evolving theoretical agenda of security and conflict studies, international organizations, the ethical dimension of foreign policy and international law, ecology, geopolitics and international political economy. Having no direct affiliation with any state or private university or think-tank, the journal seeks to facilitate communication among all Russian-reading scholars and educators and to foster their concerted effort focused on developing theoretical approaches to international relations and world politics.

Our authors come from universities and research centers based in the former Soviet area as well as Western Europe and North America. Apart from Russian-speaking intellectuals, analysts and university faculty, the journal circulates among policy makers and officials serving in Russian federal and regional government bodies, including the Ministry of Foreign Affairs and the Russian Federal Assembly.

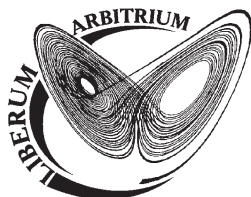
International Trends welcomes manuscripts in Russian. Their length should not exceed 40,000 characters. Submitted manuscripts should be original and should not be considered simultaneously for publication in full or in part in any other journal or collective monograph.

International Trends is published three times a year by the Academic Educational Forum on International Relations with financial support from the John D. and Catherine T. MacArthur Foundation

ISSN 1728-2756

E-ISSN 1811-2773

<http://www.intertrends.ru>

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

Научно-образовательный форум по международным отношениям – неправительственная некоммерческая организация, созданная для содействия научным, образовательным и просветительским программам, нацеленным на формирование в России современного профессионального сообщества международных и политологов.

Под нынешним названием Форум работает с 2000 года. В 1996–1999 годах он был частью Московского общественного научного фонда.

Директор Форума
Алексей Богатуров

С 1996 года Форум дважды в год проводит зимние и летние школы по международным отношениям и политологии для университетских преподавателей и научных сотрудников исследовательских центров России и стран СНГ.

С 2003 года Форум издает журнал «Международные процессы».

Одновременно в рамках своих программ и приоритетов Форум поддерживает межрегиональные исследовательские коллективы.

За время работы Форум опубликовал более 20 монографий и сборников, среди которых:

Современная мировая политика. Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2009, 2010. 588 с.

Системная история международных отношений. 1918–2003. События и документы. В 4-х томах / Под ред. А.Д. Богатурова. Том 1 и том 2. М.: Московский рабочий, 2000; том 3. М.: НОФМО, 2003; том 4. М.: НОФМО, 2004.

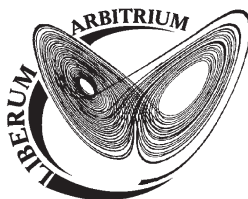
Хрусталеv М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008. 230 с.

Сайт Форума: <http://www.obraforum.ru>

Адрес: 125009, Москва, ул. Тверская, д. 12, стр. 8, под. 12, офис 5

Телефон: (495) 650 12 16

E-mail: info@obraforum.ru

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

На эмблеме Форума изображен «аттрактор Лоренца» – фигура, воплощающая вариантность движения потоков частиц в неравновесных системах. Эмблема зарегистрирована как товарный знак.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ФОРУМА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

Современная мировая политика. Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2009, 2010. 588 с.

Баталов Э.Я. Человек, мир, политика. М.: НОФМО, 2008. 330 с.

Хрусталева М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008. 230 с.

Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: НОФМО, 2008. 363 с.

Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: НОФМО, 2007. 240 с.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России. М.: НОФМО, 2007. 328 с.

Зевелёв И.А., Троицкий М.А. Сила и влияние в американо-российских отношениях. Семиотический анализ. Выпуск 2. М.: НОФМО, 2006. 72 с.

Примаков Е.М., Хрусталева М.А. Ситуационные анализы: методика проведения. Выпуск 1. М.: НОФМО-МГИМО МИД России, 2006. 28 с.

От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. *Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьёв.* М.: НОФМО, 2005. 204 с.

Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе в середине 2000-х годов / Отв. ред. *В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев.* М.: НОФМО, 2005. 345 с.

Чешков М.А. Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М.: НОФМО, 2005. 224 с.

Системная история международных отношений в четырех томах. 1918–2003. События и документы / Под ред. *А.Д. Богатунова.* Том I (520 с.), том II (247 с.). М.: Московский рабочий, 2000. Том III (720 с.), том IV (600 с.). М.: НОФМО, 2003–2004.

Троицкий М.А. Трансатлантический союз 1991–2004. Модернизация системы американо-европейского партнерства после распада биполярности. М.: НОФМО - Институт США и Канады РАН, 2004. 250 с.

Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. 382 с.

Галенович Ю.М. Китай и сентябрьская трагедия Америки. М.: НОФМО, 2002. 170 с.

Прозрачные границы. Безопасность и сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России / Под ред. С.В. Голунова, Л.Б. Вардомского. М.: НОФМО, 2002. 572 с.

Серия докладов. Очерки текущей политики

Примаков Е.М., Хрусталева М.А. Ситуационные анализы. Методика проведения. Очерки текущей политики. Выпуск 1. М.: НОФМО, МГИМО МИД России, 2006. 28 с.

Зевелёв И.А., Троицкий М.А. Сила и влияние в американо-российских отношениях: семиотический анализ. Очерки текущей политики. Выпуск 2. М.: НОФМО, 2006. 72 с.

Балуев Д.Г., Новосёлов А.А. «Серые зоны» мировой политики. Отв. ред. М.А. Троицкий. Очерки текущей политики. Выпуск 3. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2010. 40 с.

Богатуров А.Д., Дундич А.С., Троицкий Е.Ф.

**Центральная Азия: «отложенный нейтралитет»
и международные отношения в 2000-х годах**
Очерки текущей политики
Выпуск 4

Редактор
И.В. Болгова

Компьютерная верстка
И.А. Николаевой

Подписано в печать 30.05.2010. Формат 60 x 90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура School Book, Text Book.
Печать офсетная. Печ. л. 6,5.
Тираж 600 экз. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов
В ГП «Облиздат», 248640, Калуга, пл. Старый торг, 5